

XIV годъ
№ 7

годъ XIV
1883

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЪЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) И
ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКОРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работы отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.
Выданъ 12 Февраля 1883 г.

Открыта подписка на „Ниву“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ
Петербургъ ... 4 р.

Съ доставкою въ
Петербургъ ... 5 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ
отдѣл. конт. „Нивы“ Н. Н. Печ-
ковской, Петровск. Торг. линія 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и дру-
гіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНИЯ.
Особая приложенія при
„Нивѣ“ объявленій
отъ торговыхъ домовъ
принимаются для иногор.
по 5 р. съ тысячи, для
городскихъ по 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1883 г. уже вышедшіе номера со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ д. № 9.

Принцъ Карль
Прусскій.

9-го января въ 2 ч. пополудни, скончался послѣдній изъ братьевъ императора Вильгельма, принцъ Карль Прусскій, который болѣе всѣхъ лицомъ и осанкой походилъ на своего царственнаго брата и въ которомъ воинственный духъ Гогенцоллерновъ былъ сильно развитъ. Тѣмъ болѣе кажется страннымъ, что этому принцу, обладавшему всѣми рыцарскими достоинствами, не привелось играть видной роли полководца, въ то богатое войныами времѧ, въ которое онъ жилъ. Принцъ Карль особенно любилъ артиллерию, и своей законченностью и выработкой она обязана принцу. Во времѧ осады и штурма Дюппельскихъ укреплений, гдѣ впервые отличился сынъ его, принцъ Фридрихъ Карль, принцъ Карль присутствовалъ также и могъ съ гордостью видѣть дѣйствіе приспособленаго имъ для войны

Принцъ Карль Прусскій † 9 Января. Съ фотogr. грав. Бараповскій.

рода оружія. Императоръ Вильгельмъ призналъ въ то времѧ его заслуги по артиллериї и назвалъ третью артиллерійскую бригаду бригадою фельдзехмейстера (въ этомъ званіи находился въ то времѧ принцъ). Въ кампаніяхъ 1866 и 1870 гг. принцъ участвовалъ также. Въ мартѣ 1879 г. онъ праздновалъ 25-лѣтній юбилей своего званія.

Другая сторона дѣятельности покойнаго принца состояла въ завѣданіи Іоаннитскимъ орденомъ. Услуги, которыя подъ руководствомъ своего новаго главы окказалъ орденъ, подавая помощь въ походахъ 1864, 1866 и 1870 гг., такъ велики, что онъ однѣ руководителю ордена, принцу Карлу, обеспечиваютъ хорошую память. Засѣданія ордена, происходившія ежегодно въ замкѣ Зоненбургѣ, пользовались заслуженной известностью. Они олицетворяли во всей неприкосновенности средневѣковые романтические обычай. Вообще принцъ Карль выказывалъ особенное

предпочтение всему, имевшему отношение ко временамъ рыцарства. У него было прекраснейшее и самое полное изъ всѣхъ существующихъ собраніе оружія, во дворцѣ, на площади Вильгельма, посѣтить который стремились всѣ знатоки и любители этого дѣла.

Любимымъ развлечениемъ принца была охота. Въ его замкѣ Глинике, около Потсдама, лежащемъ въ лѣсистой мѣстности, содержалась всегда полная охота. Принцъ Карлъ съ этой охотой ежегодно появлялся въ ноябрѣ, въ день св. Губерта, въ Грюнвальдѣ, около Берлина. Во время одной изъ такихъ скачекъ, на пятидесятому году жизни, принцъ упалъ съ лошади, сломавъ себѣ ногу. Сильная натура принца превозмогла это поврежденіе, и спустя короткое время послѣ выздоровленія, принцъ снова предался своему любимому развлечению. Не такъ счастливо отдался онъ второго перелома ноги, полученного имъ 3-го июня прошлаго года возлѣ Касселя. Не смотря на излеченіе перелома, это обстоятельство должно считаться однако не-посредственной причиной смерти принца, который привыкъ къ постояннымъ и сильнымъ движеніямъ, отъ которыхъ долженъ былъ отказаться.

Женился принцъ въ маѣ 1827 года, на принцессѣ Маріи Луизѣ, дочери великаго герцога Карла-Фридриха Саксен-Веймарскаго, младшей сестрѣ императрицы Германской. Она умерла въ 1877 г., за нѣсколько дней до своей золотой свадьбы. Со смертью супруги принцъ сталъ мало показываться въ обществѣ. Отъ этого брака родился въ 1828 г. принцъ Фридрихъ-Карлъ, извѣстный полководецъ, и двѣ дочери, Луиза, супруга Ландграфа Бархфелдскаго, умершага въ 1861 г., и Анна, замужемъ съ 1853 г. за ландграфомъ Гессенскимъ. Послѣдней причиной смерти принца Карла была простуда, которую онъ схватилъ во время прогулки по саду дворца. При смерти принца присутствовали императоръ съ супругой и 17-ти лѣтній сынъ принца Фридриха Карла, Фридрихъ Леопольдъ.

Покойный принцъ никогда не вмѣшивался въ дѣла правленія, въ начинанія своего царственнаго брата. Единственное, что вполнѣ поглощало дѣятельность принца Карла—это артиллерія, которой онъ посвятилъ себя съ юношескихъ лѣтъ. Но быть можетъ это господствующее представление о жизни принца измѣнится впослѣдствіи, когда опубликуются его любопытные мемуары, которые онъ вѣль съ давнихъ лѣтъ и прекратилъ лишь въ послѣдніе годы.

Принцъ Карлъ одинъ изъ немногихъ оставшихся принцевъ Гогенцоллернскаго дома, которые были прямыми свидѣтелями и современниками исторической дружбы между Пруссіей и Россіей, какая существовала между императоромъ Николаемъ и королями Фридрихомъ-Вильгельмомъ III и Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV. Подъ вліяніемъ этой, во многихъ отношеніяхъ почти безпримѣрной, дружбы обоихъ дворовъ, принцъ Карлъ

жилъ и дѣйствовалъ до самой смерти, и его безусловно можно причислить къ тѣмъ личностямъ, которыхъ при берлинскомъ дворѣ,—за исключениемъ конечно самого императора Вильгельма,—служать представителями самыхъ искреннихъ симпатій къ Россіи.

„Я очень люблю русскихъ“ было постоянной поговоркой принца, которую окружающіе его слышали отъ него весьма часто. Въ послѣдніе дни передъ смертью, принцу Карлу было представлено одно важное лицо, которому онъ пожимая руки много разъ повторилъ какъ онъ любитъ его соотечественниковъ, т. е. русскихъ!

Причина этого глубокаго сочувствія заключается въ той близкой дружбѣ, какая существовала между принцемъ Карломъ и Императоромъ Николаемъ. Замѣчательно, что всю жизнь Императоръ Николай любилъ принца Карла болѣе, чѣмъ всѣхъ своихъ родственниковъ при прусскомъ дворѣ, даже болѣе чѣмъ принца прусскаго, теперешняго Императора Вильгельма. Привязанность царя къ принцу обнаруживалась какъ въ важныхъ случаяхъ, такъ и въ мелочахъ. Въ то время не существовало еще поговорки: „Въ денежныхъ дѣлахъ дружбы не существуетъ,“ и царь, узнавъ о томъ, что принцъ, намѣревавшійся строить въ то время свой замокъ Глинике возлѣ Потсдама, нуждается въ деньгахъ, снабдилъ его значительную суммою. Деньги эти впослѣдствіи были принцемъ возвращены.

Въ то время ни одинъ курьеръ не пріѣзжалъ изъ Петербурга въ Берлинъ безъ того, чтобы не привезти принцу какойнибудь подарокъ. Императоръ Николай присыпалъ даже своему любимому другу живой подарокъ: это былъ русскій, по имени Иванъ, предназначенный въ услуженіе къ принцу. Принцъ Карлъ выстроилъ для него двухэтажный, въ русскомъ стилѣ, домъ изъ бревенъ, который стоитъ въ Никольскомъ донъинѣ.

Принцъ Карлъ отплачивалъ также за подарки. Онъ выказывалъ дружбу и на словахъ и на дѣлѣ. Во дворцахъ и комнатахъ принца на всякомъ шагу встрѣчаются воспоминанія объ Императорѣ Николаѣ. Имя принца Никольское названо такъ въ честь царя, а также сынъ принца Карла названъ Николаемъ.

Эти отношенія не могли не вліять значительно на ходъ политическихъ событий, и принцъ Карлъ не переставалъ стоять за дружественный образъ дѣйствія относительно Россіи. Въ такомъ положеніи находились дѣла во время крымской кампаниіи и во все время 26-лѣтнаго царствованія императора Александра II. Эпоха берлинскаго конгресса не составляетъ исключения, хотя многие въ Россіи были недовольны Германіей на этомъ конгресѣ—но какъ оказывается изъ фактовъ, недовольны несправедливо. Принцъ Карлъ болѣе всего способствовалъ сохраненію до настоящаго времени добрыхъ отношеній между Россіей и Германіей.

Лодъ колесомъ.

ПОВѢСТЬ

Н. Д. Ахшарумова,

(Продолженіе).

XI.

Рана моя была изъ милостивыхъ. Пуля, едва оцарапавъ рѣбра, прошла между ними подъ острымъ угломъ и не коснувшись легкихъ, засѣла съ другой стороны, подъ кожей, откуда ее и вынули безъ труда. Но все таки я пролежалъ въ постели около трехъ недѣль и лихорадка по вечерамъ, а по утру перевязка и зондъ сдѣлали для меня это время—мучительнымъ испытаніемъ. Въ жару и бреду, я едва узнавалъ друзей пріютившихъ меня; а между тѣмъ они окружали больнаго всякими попеченіями и за-частую даже, не довѣряя прислугѣ, сами дежурили у моей постели. Странной игрою случая, Сара, которую новая обстановка жизни, въ послѣднее время, сдѣлала почти недоступною для меня,—теперь сидѣла по цѣлымъ часамъ въ моей комнатѣ, молчаливая и внимательная, и часто, когда голова моя, утомленная отъ тяжелыхъ грѣзъ, не находила покоя на изголовье, я, открывая глаза, встрѣчалъ на себѣ ея озабоченный взоръ. Строгій запретъ, наложеній, въ первые дни, на всякаго рода волнующія бесѣды и объясненія, скоро былъ отмѣненъ или самъ собою пришелъ въ забвеніе; но вѣроятно я былъ еще очень слабъ, потому что не помню всего между нами происходившаго и обратно—припоминаю вещи, въ дѣйствительности которыхъ я не увѣренъ. Легко можетъ статья, что образъ Сары, за это время, слился съ моими горячечными видѣніями до такой степени, что я послѣ

не въ силахъ былъ уже разобрать, когда я видѣлъ ее во плоти и когда это было не болѣе какъ миражъ раздраженной фантазіи.

Такъ напримѣръ, однажды,—могло быть съ недѣлю уже какъ я лежалъ,—глубокою ночью или, быть можетъ, въ поздній часъ вечера,—легкій шорохъ возлѣ моей постели заставилъ меня открыть глаза и вмѣсто сидѣлки, которой не было въ комнатѣ, въ полуслѣдѣ спрятанного отъ глазъ огня, я увидѣлъ передъ собою Сару. Она была въ бальномъ туалѣтѣ, съ живыми цвѣтами на головѣ и какъ всегда въ такихъ случаяхъ—ослѣпительно хороша. Но легкая тѣнь истомы и тайнаго недовольства собой смягчали блескъ ея красоты на мѣкомъ на что-то другое, болѣе женственное и нѣжное, что говорило о сердцѣ живомъ и о грѣшной душѣ человѣческой въ этой бѣлой какъ лилія и едва округленной, дѣвичьей груди.

Я приподнялся, всматриваясь въ нее съ любовью; но словно какой-то ревнівый бѣсъ, изъ-за ея обнаженныхъ плечъ, шепталъ мнѣ о множествѣ жадныхъ глазъ, наслаждавшихся въ этотъ день тѣмъ же зрѣлищемъ, и о томъ, что Сара уже не дитя, что она понимаетъ значеніе своего торжества и пришла похвастать имъ, можетъ быть даже и подразнить своего больнаго друга. Не помню что я сказалъ ей на этотъ счетъ; но ядъ насмѣшекъ, сорвавшихся съ моего языка, былъ быстръ и жестокъ... Нѣсколько робкихъ возгласовъ и тревожныхъ

вопросъ, испуганный взглядъ и она отскочила, словно ужаленная... Какъ теперь помню ее передъ собою—блѣдную, съ широко-открытымъ, сверкающимъ взоромъ,—слышу ея подавленный, прерывающійся отъ страсти голосъ.—О! Какъ я золь! Какъ золь!.. И какъ ей противенъ мой мрачный, завистливый взглядъ на вещи!.. Несужели мало въ моихъ глазахъ всего, что она выстрадала съ отцомъ, за долгіе годы ихъ униженія, чтобы теперь, когда счастіе только что ей улыбнулось, по прежнему прятаться отъ людей и ходить въ тряпье, разсчитывать каждый грошъ, отказывать себѣ въ самыхъ невинныхъ радостяхъ.

— Пусть, восклицала она:—пусть я тщеславная, вѣтреная! Я не имѣю претензіи на старческую серьезность и не беру на себя попеченія о такихъ вещахъ, которыя превосходятъ мой ростъ.—Я не сестра милосердія и не схимница! Я люблю музыку, танцы, изящный туалетъ, цвѣты;—люблю сияющій тысячами огней, просторный залъ и толпу молодыхъ, веселыхъ людей, не требующихъ отъ дѣвушки въ 18 лѣтъ ни философіи, ни лицемѣрныхъ гримасъ и вздоховъ!

... Чего я хочу отъ нея? Чтобы она отреклась отъ свѣта и куталась въ покрывало, пряталась за рѣшеткой гарема, въ угоду какому нибудь султану, который и самъ не знаетъ, долго ли онъ будетъ ею тѣшиться?.. Я варваръ! татаринъ! и мнѣ нужна не свободная женщина, а невольница, купленная тамъ, гдѣ нибудь, у насъ въ Россіи, на рынке,—раба, которую я бы могъ отстегать кнутомъ, если она возьмѣтъ дерзость явиться нарядно-одѣтою въ обществѣ и понравиться хоть кому нибудь, кроме меня... О! какъ жестоко она ошиблась во мнѣ!—и прочее.

Она говорила долго и горячо; но я не припомню всего и не ручаюсь даже, что все это было сказано сразу. Знаю только, что мнѣ было скверно въ эти минуты и помню, какъ я ее слушалъ въ жару, съ запекшимися, стиснутыми губами,—какъ рана моя горѣла, и какъ я не могъ себѣ дать отчета: люблю я или ненавижу ее.

Но не всегда она была такъ строга и въ минуты раздумья, ласковый взглядъ или усмѣшка, вдругъ озаряющая какъ солнце ея лицо, напоминали мнѣ прежнюю Сару... Разъ какъ-то, въ сумерки, я проснулся съ живымъ ощущениемъ поцѣлуя, даннаго мнѣ украдкой, и озиравясь, успѣлъ замѣтить въ дверяхъ исчезающую беззвучно, какъ тѣнь, фигурку. Дня черезъ два, когда я шепнулъ ей объ этомъ, она покраснѣла и съ недовѣрчию усмѣшкой:—Скажи же! Кто бы это могъ быть?.. Неужли сидѣлка?.. Или быть можетъ, это такъ только—ваше мужское тщеславіе,—votre fatuité—забавляетъ васъ на досугъ такими грѣзами?..

На нѣсколько дней омраченный моимъ присутствиемъ и притихшій—домъ ихъ скоро опять загремѣлъ балами и пиршествами. Звуки оркестра кадъ головой и звонъ посуды, гдѣ-то недалеко, долетали порой до меня, и тогда, на мои вопросы, сидѣлка рассказывала мнѣ съ восхищеніемъ, какъ много тамъ на верху, у господъ, гостей, и какие наряды на дамахъ, какія вкусныя блюда готовятся къ ужину. Трудно было представить себѣ —и отуманенная своимъ успѣхомъ Сара, конечно менѣше чѣмъ кто нибудь, представляла, что все это можетъ исчезнуть вдругъ, какъ марево;—а между тѣмъ развязка висѣла уже надъ головой.

Мнѣ было гораздо лучше, но докторъ еще не разѣшаль мнѣ оставить постель, когда однажды Фіамесъ, послѣ тяжелаго проигрыша, почувствовалъ себя дурно и его привезли изъ курсала безъ чувствъ. Лучше бы для него, если бы онъ умеръ тутъ же; но злая судьба словно играла съ своею жертвой. За ночь онъ былъ на ногахъ и никакія угрозы врачей, никакія мольбы испуганной дочери не могли его удержать. Онъ уѣхалъ съ утра и игралъ весь день. Два раза, въ теченіе этого

дня, банкъ былъ въ большой опасности, но къ девяти часамъ вечера, счастіе наконецъ перешло на его сторону и въ какой нибудь часъ съ небольшимъ, противникъ спустилъ весь свой громадный выигрышъ. Къ одиннадцати, когда игра въ курсалѣ оканчивается, послѣдняя ставка его, горсть золота, собранная въ карманахъ, потянута была роково грабелькою кассира и провалилась звяня въ воронку кассы. Старикъ задрожалъ какъ листъ и его вывели изъ игорныхъ комнатъ подъ руки, еле живаго; но не успѣлъ онъ ступить за двери, какъ вслѣдъ ему раздалось потрясающее ура!.. Это былъ персональ рулетки, торжествовавшій побѣду свою надъ врагомъ. Кассиры, крупье, вся армія банка сбѣжалась въ кучу и ликовала. Чублика, очень довольная этой адской сценой, толпой повалила въ буфетъ и громкіе разговоры, хохотъ, попойка длились тамъ до глубокой ночи.

Я только что засыпалъ, когда бѣготня и тревожные возгласы за дверьми разбудили меня. На мой удивленный вопросъ—сидѣлка, только что воротившаяся, взволнованнымъ голосомъ объяснила мнѣ, что господина—den Herrn—опять привезли безъ чувствъ, и что онъ очень плохъ, что ему отворяли кровь, что онъ проигрался въ конецъ, что фрейлейнъ тохтеръ въ отчаяніи... и вдругъ, не вытерпѣвъ, уѣжала опять... Послѣ короткой возни, все стихло; но потрясенный извѣстіемъ, я не могъ успокоиться и лежалъ безъ сна, когда въ коридорѣ послышался легкій шагъ, дверь скрипнула, и въ полумракѣ закрытаго ширмами ночника—я увидѣлъ Сару.

Молча, какъ жертва несущая въ сердцѣ своемъ смертельный ударъ, несчастная подошла и опустилась въ кресло, стоявшее у моей постели.

— Все кончено! прошептала она.

— Ударъ?

Она кивнула мнѣ головой.

— А деньги?

— Проиграны.

— И онъ не оставилъ, не отложилъ для васъ ничего на черный день?

— Нѣтъ, отвѣчала она тѣмъ хлябкимъ, дрожащимъ голосомъ, въ звукѣ которого прорывается сдавленное рыданье.—О! я погибла!

Напрасно старался я успокоить ее, напоминая, что быстро-нажитое богатство еще никому не давало счастья, а на дѣйствительно-нужное въ жизни не много требуется,—что у нея остаются ея брилліанты, столовое серебро, богатая меблировка дома; что все это, обращенное въ деньги, можетъ доставить ей небольшое обеспеченіе и что наконецъ она молода, здорова, что передъ нею вся жизнь еще впереди,—она меня слушала съ дикимъ, растеряннымъ видомъ.

— Ахъ, нѣтъ! отвѣчала она.—Нѣтъ, это не то... А вотъ что: продать все что осталось у насъ и снести туда... Я не имѣю еще покуда страсти къ игрѣ; но я дочь своего отца и это придетъ современемъ.

— Какое безумство, Сара!

— Да, можетъ быть. Но вы меня худо знаете, если вы думаете, что я могу помириться съ вашею теплой водицею утѣшенія... Я не оправдываюсь. Я малодушная дѣвушка! Я привязалась всѣмъ сердцемъ къ тому, что потеряно, и не могу уже больше вернуться назадъ. Я зачахну въ потемкахъ и тѣснотѣ! О! я ненавижу бѣдность!

И зарыдавъ, она выбѣжала изъ комнаты.

Измученный силою своихъ впечатлѣній, я провелъ тревожную ночь. Сидѣлки не было; послѣ ужъ я узналъ, что она понадобилась другому, счеты котораго съ жизнью въ эту пору оканчивались. Фіамесъ не вынесъ своей судьбы и къ утру его не стало: но докторъ, который не покидалъ его до послѣдней минуты, передалъ мнѣ его просьбу. Она состояла въ томъ, чтобы я не покинулъ Сару.

XII.

Въ предсмертной просьбѣ несчастнаго моего товарища собственно не было надобности, такъ какъ и безъ того я не оставилъ бы его дочь. Но какъ ни согласно было, на этотъ разъ, чувство долга съ сердечнымъ влечениемъ, а роль покровителя, вдругъ очутившагося у дѣвушки ея лѣтъ и съ ея интересной наружностью, въ городѣ гдѣ ее знали всѣ, отъ кассира рулетки и до послѣдняго кучера, обѣщала такую пищу злословію, что даже и съ чистою совѣстью, трудно было не призадуматься. Имѣя это въ виду, я положилъ себѣ: первымъ дѣломъ какъ только я стану на ноги, увезти ее и самому убраться изъ В***... Куда? у меня покуда и въ мысляхъ не было; но не все-ли равно куда? Къ несчастію, прежде чѣмъ бросить городъ, мнѣ предстояло еще не мало хлопотъ. Необходимо было продать при себѣ, по крайней мѣрѣ ту часть ея движимости, которую она не могла увезти съ собой. Но именно этого-то я и не въ силахъ былъ сдѣлать. Я поправлялся медленно. Сара успѣла уже похоронить отца и выплакать всѣ глаза, переживая первую горечь своей потери, когда мнѣ только что было позволено встать и рана моя еще требовала ухода; а бросить меня въ такомъ положеніи, на руки постороннихъ людей, и уѣхать одной, или по крайней мѣрѣ хоть переѣхать, какъ я ее уговаривалъ, на другую квартиру, она ни за что не хотѣла, и у нея на это были свои резоны.

— Во-первыхъ, доказывала она горячо:—это мнѣ не по средствамъ. Зачѣмъ мнѣ тратиться на другую квартиру, когда на этой у насъ заплочено по ноябрь; а что касается до прислуги, то я уже отпустила всю, за исключеніемъ только швейцара съ его женой, которые наняты отъ хозяина вмѣстѣ съ квартирой. Я буду жить въ однай комнатѣ, тутъ, недалеко отъ васъ, внизу; а верхъ мы запремъ. И я не выпущу васъ отсюда, покуда докторъ васъ не объявить совсѣмъ здоровымъ... И то, что вы говорите на счетъ приличія — вздоръ, потому что я васъ не вчера пригласила сюда, — отецъ васъ привезъ, три недѣли тому назадъ, чуть живаго, и я исполняю не больше какъ волю его. И у васъ есть сидѣлка, которую вамъ никто не мѣшаетъ держать тутъ въ домѣ, покуда вы не поправитесь,—этого будетъ достаточно въ смыслѣ приличія... И, наконецъ, если вы не хотите бросать меня, то по какому праву вы требуете, чтобы я васъ бросила? Это была-бы низость съ моей стороны, такая же низость какъ если-бы я уѣхала отъ больнаго отца... Вы мнѣ замѣнили его; но я полюбила васъ и безъ этого; и вы не думайте, чтобы что нибудь послѣ случившееся измѣнило хоть на волосъ это чувство. Я васъ люблю по прежнему; крѣпко люблю, мой другъ!.. И она склонилась на доказательства.

— Я въ вашей власти, шептала она:—султанъ мой! татаринъ мой милый! Только не будьте ужъ слишкомъ строги со мною, оставьте немного простора вашей невольницѣ!.. Поль, мнѣ хочется хоть однажды испробовать счастье тамъ.

„Тамъ“ означало рулетку.

— Чего вы боитесь? допытывалась она.—Что я пристрашусь къ игрѣ? Но вы, играя два мѣсяца, каждый день, могли-бы кажется убѣдиться, что эта зараза не прививается такъ легко. Или вы думаете, что я, какъ дочь своего отца, ношу ее отъ рожденія у себя въ крови? Но если такъ, то это моя судьба, и всѣ усилия ей противиться будутъ напрасны.

Спорить съ ней не было никакой возможности, такъ какъ логика у нея коротка и всѣ резоны сводились, какъ у ребенка, къ простому хочу. Невольно я долженъ былъ прибѣгать къ уловкамъ.

— Повремените немножко, Сара, просилъ я:—теперь у васъ нѣть ни копѣйки свободной, и хотя это, само по себѣ, еще не помѣха, такъ какъ я вамъ охотно су-

дилъ-бы сотню, другую франковъ; но я не могу пустить васъ одну. А вотъ, когда я совсѣмъ поправлюсь, и ваша движимость будетъ реализована... тогда мы съ вами какъ нибудь выберемъ время, и прочее...

Разсчетъ мой былъ затянутъ до тѣхъ поръ, когда я успѣю окончить на-чисто всѣ дѣла и давъ ей потѣшиться разъ, если безъ этого ужъ никакъ нельзя обойтись, увезти ее тотчасъ потомъ, куда нибудь далеко отъ сблазыва... Но день проходилъ за днемъ и, едва поставленный на ноги, я не могъ ускорить развязки; а между тѣмъ неловкость нашего положенія въ городѣ начинала уже бросаться въ глаза. По смерти Фіамеса, домъ его опустѣлъ. Сезонъ приходилъ къ концу и часть ихъ знакомыхъ разѣхалась;—другая, чуждались несчастія или одиночества Сары, послѣ обычныхъ визитовъ приличія, торопилась покончить съ ней всякия отношенія;—отъ третьей, къ которой принадлежала модная молодежь, веселившаяся на ихъ балахъ, она сама увѣряла меня, что желаетъ отѣхнуться; только желаніе это, за беззаботную искренность котораго я не ручаюсь, трудно было осуществить. Одни правда скоро отстали или уѣхали; но другіе никакъ не хотѣли отстать. Встрѣчая отказъ какъ гости Сары, они превращались сразу въ моихъ друзей, и швейцарь, вѣроятно подкупленный, клялся, что нѣтъ никакой возможности ихъ удержать, до такой степени имъ не терпится навѣстить больнаго. Къ немалой досадѣ и беспокойству, въ комнатѣ у меня вдругъ стало людно, запахло духами, сигарами, затрещала разноязычная болтовня, напоминавшая мнѣ буфетъ курзала. Французы и русскіе, итальянцы и англичане, знакомые, полузнакомые и совсѣмъ незнакомые, спѣшили ко мнѣ наперерывъ, съ городскими извѣстіями и любезностями. Кто приносилъ мнѣ въ даръ дорогія сигары, кто предлагалъ отъ скучи съиграть съ нимъ въ пикетъ или въ экартѣ, а кто уговаривалъ не сбывать барышникамъ щегольской конюшни и экипажей покойнаго, такъ какъ въ виду есть люди, готовые дать настоящую цѣну. Но чаще всего говорили конечно о Сарѣ, жалѣли ее, добивались что съ нею сдѣлалось, что ее не видать, а на мои увѣренія, что ей, послѣ ея потери, не до гостей—посвистывали съ саркастическою улыбкою;—случалось выслушивать и насмѣшки, большою частью впрочемъ такъ ловко замаскированныя, что къ нимъ невозможно было придраться. Я терпѣливо и до извѣстнаго градуса хорошо владѣю собой; но когда однажды, эта безстыжая обезьяна Сордѣ, позволилъ себѣ сказать мнѣ въ глаза, что я имѣю видъ волка, приставленного стеречь хорошенькую овечку, и у котораго, сквозь гримасы лицемѣрнаго воздержанія слонки сочатся изо рту,—я отвѣчалъ ему рѣзко, что моль какого-бы дьявола онъ ни видѣлъ во мнѣ, а я въ немъ вижу не болѣе какъ свинью. Онъ злобно уставилъ въ меня свой острый какъ ножикъ взглядъ и на отѣкшемъ, матово-блѣдномъ лицѣ, въ нахальныхъ губахъ, промелькнуло какое-то кровожадное выраженіе. По счастію, вслѣдъ сидѣвшіе молодые люди весело разсмѣялись и дѣло обращено было въ шутку его-же пріятелями. Но Сара, узнавъ о такомъ обмѣнѣ любезностей, объявила мнѣ на отрѣзъ, что она не потерпитъ этого, и на другой день утромъ, швейцару велѣно было принимать къ ней всѣхъ, кто захочетъ видѣть ее. Не желая остаться у ней въ долгу по части благоразумія, я переѣхалъ немедленно въ номеръ Aux Quatre Saisons.

Мой докторъ, явившійся слѣдомъ за мной изъ дома Фіамеса, живой и веселый маленький старичекъ, эльзасецъ, рассказывалъ мнѣ, что Сара, послѣ того какъ я уѣхалъ, расплакалась; но одобрилъ мое рѣшеніе и обѣщалъ позаботиться, чтобы она не осталась совсѣмъ одна.

— Я ей пришлю, говорилъ онъ:—дуэнью изъ здѣшнихъ, вдову, которая существуетъ пенсіей въ полтораста гульденовъ и будетъ рада слушаю заработать еще кое-что. А вы, мой почтеннѣйший, рыцарь безъ страха и

укоризны, надѣюсь теперь убѣдиться, что холостой мужчина плохая опора для девушки въ 18-ть лѣтъ. Будь онъ хоть ангелъ нравственности и цѣломудрія и будь хоть по приговору суда назначенъ ея попечителемъ, онъ никого не заставитъ повѣрить въ свою правоту. Mademoiselle Сара жаловалась мнѣ горько на васъ и я нахожу, что она отчасти права. Зачѣмъ горячиться, когда отъ васъ можетъ статься только того и ждутъ, чтобы вы потеряли терпѣніе? Да еще и съ такими личностями какъ этотъ Сордѣ... Вы не заставите ихъ молчать... И подумавъ: — этотъ Сордѣ, продолжалъ онъ: — если не ошибаюсь, сватался за нее и получилъ отказъ... Это одинъ изъ самыхъ темныхъ характеровъ, какихъ мнѣ случалось встрѣтить тутъ въ В***. Одни говорятъ, что это шпіонъ наполеоновскаго правительства, а другіе — что это агентъ по негласнымъ сдѣлкамъ у нашего здѣшняго содержателя,—можетъ быть и то, и другое. Во всякомъ случаѣ это пройдоха, а можетъ быть и бретёръ. Совѣтуя вамъ быть осторожнѣе съ этого рода людьми.

— Я васъ не понимаю, докторъ, сказалъ я.—Какой интересъ имъ искать со мной ссоры?

Онъ посмотрѣлъ на меня какъ-то особенно пристально.—Не знаю. Предположите, что имъ нужна ваша „овечка“ какъ назвалъ ее Сордѣ.

— Такъ что-жъ? отвѣчалъ я.—Ея судьба, я полагаю, зависитъ прежде всего отъ нея самой. Развѣ я ей могу помѣшать, если она предпочтеть повѣситься кому нибудь изъ этихъ господъ, на шею?

Опять онъ посмотрѣлъ на меня очень пристально, и опять произнесъ съ такою-же разстановкою.—Не знаю; мнѣ кажется надо-бы прежде спросить: есть-ли у неї въ виду что нибудь, что она имѣла-бы основаніе предпочесть такому шагу?.. Но можетъ быть это нескромный вопросъ и вы мнѣ скажете, что это меня не касается, потому что Сара не мнѣ поручена?

Я начиналъ понимать его и признаюсь, направленіе разговора не нравилось мнѣ.

— Никто кромѣ Бога, мосье Хворостынъ, продолжалъ онъ:—и вашей собственной совѣсти, не въ правѣ конечно спрашивать у васъ отчета въ вашихъ намѣреніяхъ... Но, вотъ видите ли, за время знакомства моего со старикомъ отцомъ, я полюбилъ эту девушку какъ родную дочь, и мнѣ было бы больно думать, что вы не выяснили еще себѣ, по крайней мѣрѣ хоть въ главныхъ чертахъ, что вы намѣрены съ нею дѣлать.

— А вы какъ совѣтуете?

Онъ колебался, какъ бы нерѣшаясь высказать свою мысль.

— Говорите прямо, сказалъ я:—потому что я признаюсь вамъ, вопросъ этотъ очень меня озабочиваетъ и я былъ бы, во всякомъ случаѣ, искренно вамъ благодаренъ за добрый совѣтъ.

— Да какъ вамъ сказать? произнесъ онъ робко и неувѣренно.—Я наблюдалъ за нею во время вашей болѣзни, и, если не ошибаюсь, она къ вамъ всею душою привязана. Отъ васъ зависѣть, стало быть, взять или оставить. Но взять, такъ уже настоящимъ образомъ взять, а оставить такъ совершенно оставить, потому что затягивать окончательное решеніе на полумѣрахъ, значило бы играть ея чувствомъ.

— Хорошо, докторъ; положимъ, что я и самъ такъ думаю. Все таки ваша альтернатива ясна для меня только въ одномъ направленіи. Если бы я рѣшился взять, я бы конечно зналъ что дѣлать. Ну, а если бы я былъ не увѣренъ въ себѣ, или въ ней, и предпочелъ оставить?.. Вы знаете, что у нея нѣтъ никого на свѣтѣ, кто могъ бы, естественнымъ образомъ, заступить ей мѣсто отца или матери. Если бы было что нибудь въ этомъ родѣ, отецъ ужъ конечно не позабылъ бы намъ указать на такое лицо. Но онъ поручилъ ее мнѣ. На кого же вы хотите, чтобы я оставилъ ее?

— Мосье Хворостынъ, мнѣ 60 и женѣ моей очень

немногимъ меныше. Дѣтей у насъ нѣтъ; а средства, благодаря моей долголѣтней практикѣ, болѣе чѣмъ достаточныя. Оставьте намъ Сару—если,—онъ кашлянулъ:—если вы не имѣете для нея въ виду чего нибудь лучшаго.

Это было совсѣмъ неожиданно, и порядкомъ таки меня озадачило. Въ смущеніи, не собравшись съ мыслями, я отвѣчалъ ему оборванно и нескладно, что дѣло мое тутъ сторона, а все зависитъ отъ Сары, съ которой онъ и долженъ поговорить.

....Онъ выслушалъ съ недовѣрчивою усмѣшкой, и помолчавъ немного, ушелъ.

Оставшись одинъ, я злился на этого старика за его непрошеное вмѣшательство и за его добродѣтельный, но наивно-недальновидный планъ, напоминавшій немногого развязку буржуазной комедіи. Онъ очевидно не думалъ, что я имѣю въ виду, для Сары, „что нибудь лучшее“, и быть можетъ, по своему, не ошибся; но если онъ, зная что Сара любить меня, воображалъ, что она согласится меня промѣнять на другаго опекуна, то онъ дуракъ. Пусть самъ предлагаетъ; я посмотрю съ какимъ посомъ она отправить его гулять, если только она дѣйствительно любить меня. А если нѣтъ; если она не больше какъ разставляетъ сѣти въ разныя стороны, неособенно беспокоясь кто въ нихъ попадеть, то пусть остается у доктора, и желаю ему удовольствія съ длиннымъ хвостомъ ея, настоящихъ и будущихъ претендентовъ! Она покажетъ ему во что она цѣнитъ его пріютъ!.. Какъ жаль, что онъ не былъ спрятанъ гдѣ нибудь за кроватью, въ ту пору, когда она, заливаясь слезами, проговорила мнѣ, что она привязана всею душою къ потерявшему, то есть къ миллионамъ и блеску,—и что она ненавидитъ бѣдность!...

Но какъ ни бодрился я мысленно, а на дѣлѣ правдивый, внутренній голосъ подсказывалъ мнѣ, что я далекъ отъ той независимости и устойчивости, которыми я щеголялъ. Вдѣбовѣ ревность опять проснулась... Нужды нѣтъ, что я не былъ увѣренъ въ Сарѣ и никогда не имѣлъ намѣренія серьезно связать съ ней мою судьбу; со всѣмъ ея малодушiemъ, суетностью и прочими, хорошо знакомыми мнѣ недостатками, она стала мнѣ, мало по малу, такъ дорога, что я не могъ уже и представить себѣ какъ это будетъ, если она вдругъ скажетъ мнѣ, что она рѣшилась остатся тутъ въ В**, у доктора,—и какъ мы разстанемся, какъ я уѣду одинъ, съ своимъ выигрышемъ, отѣлавшись счастливо отъ всего, что грозило запутать меня въ неразрѣшимыя затрудненія, и свободный,—совѣмъ свободный!... „Тыфу, чортъ возьми!“ хватился я вдругъ:—„да я кажется плачу?.. Нѣтъ, это уже изъ рукъ вонъ!...“

Чувствуя себя очень скверно въ номерѣ, я спустился тихонько,—скоро ходить я еще не могъ,—по широкой, парадной лѣстницѣ, на подѣздѣ и потребовалъ экипажъ. Мнѣ привели коляску. Знакомый кучеръ повезъ меня по знакомой дорогѣ за городъ; ночь была лунная, тихая и открытый воздухъ, послѣ такого долгаго времени, проведеннаго взаперти, убаюкалъ меня такъ славно, что я заснулъ... Къ двѣнадцати, меня привезли обратно къ подѣзу отеля, соннаго и я не помню уже какъ кучеръ меня добудился, какъ я вошелъ, отыскалъ свой номеръ, раздѣлся и легъ.

XIII.

Сонъ и прогулка дивнымъ образомъ освѣжили меня и поутру, за чаемъ, яѣлъ какъ школьникъ, отпущенныи въ воскресеніе къ роднымъ. Дни два послѣ этого у меня прошли въ хлопотахъ по продажѣ движимости и въ вечернихъ катаньяхъ за городомъ. Все это время я не видалъ никого изъ знакомыхъ, за исключеніемъ доктора, но послѣдній не говорилъ о Сарѣ; а мнѣ не хотѣлось его допрашивать. На третій день поутру, я торопился къ ней, чтобы застать ее ранѣе, чѣмъ у нея

начнется приемъ и сообщить ей какія извѣстія. вдбавокъ я бытъ увѣренъ, что ей извѣстно уже смутившее меня предложеніе, и мнѣ нетерпѣлось узнать результатъ. Но я не успѣлъ собраться, какъ въ номерѣ ко мнѣ поступали.

— Wer da?

— Etes vous visible, mon cher?

— Entrez.

Дверь отворилась и я, къ немалому моему удивленію, увидалъ Сордѣ. Мужчина лѣтъ за тридцать, невысокаго роста, въ жидающихъ рыжеватыхъ бакенахъ и усахъ, съ холоднымъ и непріятнымъ взоромъ, онъ дѣлалъ общее впечатлѣніе человѣка рано-изношенаго. Одѣтъ хорошо, но небрежно;—шляпа—по итальянски, нѣсколько на затылокъ,—и по французски—нѣсколько на бекренъ; руки въ карманахъ, сюртукъ распахнутъ, такъ что подъ мышками видно бѣлье.

— Au diable avec votre allemand! заговорилъ онъ громко.—W** est une maison de jeu fran莽aise, et la saison du moins nous у appartient, car nous la payons... Но онъ былъ любезенъ и пошутилъ слегка надъ моей азіатскою вспыльчивостью, просилъ меня быть увѣреннымъ, что у него не осталось отъ этой глупости никакого дурнаго чувства. Мы съ вами не нѣмцы, прибавилъ онъ:—чтобы ссориться изъ за шутки. Да я не за этимъ къ вамъ и зашелъ. Мнѣ надо съ вами поговорить о вашей—какъ бишь ее?—ну скажемъ питомицѣ. Да оно пожалуй и такъ, если правда, какъ говорятъ, что отецъ, умирая, поручилъ ее вашему дружескому вниманію... Онъ ей ничего не оставилъ?

— Почти ничего. Во всякомъ случаѣ никакой наличности.

— Бѣдняжка! Нуаръ принимаетъ въ ней живое участіе, такъ какъ онъ былъ когда то друженъ со старикомъ; да и вообще нашъ здѣшній хозяинъ извѣстенъ своимъ великодушiemъ. Онъ бы желалъ обеспечить ее, и при его громадныхъ средствахъ, вы понимаете, это была бы даже совсѣмъ и не жертва. Но между нами,—я говорилъ съ нимъ обѣ этомъ вчера, и онъ согласенъ со мной, что въ ея интересѣ, лучше если бы мы нашли предлогъ. Нельзя-ли купить у нея, напримѣръ, систему ея отца? То есть не то чтобы собственно у нея; въ ея года чтò она смыслить въ системахъ? Но вы играли вмѣстѣ съ ея отцомъ, и вы должны знать... А впрочемъ, онъ полагается совершенно на ваше слово. Если была система и если вы думаете, что она стоять хоть франкъ, то Нуаръ предлагаетъ вамъ за нее 100 тысячъ.

— Мнѣ?! произнесъ я съ нѣсколько удивленнымъ видомъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня насмѣшило.

— Э! разумѣется въ качествѣ попечителя Сары Фиамесъ.

Я быстро соображалъ. — Не отрицаю, отвѣчалъ я:— что покойникъ имѣлъ систему, и даже математически обработанную; но стоять-ли она франкъ, или сто тысячъ, или не стоять совсѣмъ ничего, это больше чѣмъ я могу вамъ сказать.

— Однако, вѣдь вы играли съ нимъ?

— Да,—игралъ; и былъ въ выигрышѣ; но что-же изъ этого слѣдуетъ? А потомъ онъ игралъ, былъ въ выигрышѣ и въ проигрышѣ. Вообще дѣло не ясно и я не берусь сказать вамъ на этотъ счетъ ничего положительнаго.

Французъ молчалъ, смотря на меня очень пристально.

— А впрочемъ, заключилъ я подумавъ:— поговорите обѣ этомъ съ Нуаромъ, и если послѣ того что вы слышали, онъ не откажется отъ своего предложенія, я передамъ его m-lle Сарѣ.

— Вы ёдете можетъ быть къ ней?

— Да, по другому дѣлу.

— Такъ сдѣлайте одолженіе, передайте теперь-же. Я вамъ отвѣчаю за Нуаръ. Это милѣйшій и добродуш-

нѣйший человѣкъ и онъ не погонится за какиминибудь особенными достоинствами въ покупкѣ. Помимо ея удобства, какъ безобидный предлогъ для доброго дѣла, система, въ его глазахъ, не болѣе какъ предметъ любопытства — un simple objet de curiosit , vous savez?.. Bonjour... Вы мнѣ дадите знать, не правда-ли? Вотъ мой адресъ; ибросивъ свою визитную карточку, онъ ушелъ.

— Я къ вамъ съ предложеніемъ, сказалъ я Сарѣ, которая такъ обрадовась моему приходу, что даже вся вспыхнула.

— О! Въ такомъ случаѣ, это второе, такъ какъ вчера я имѣла уже одно. Ну, говорите-же, говорите скорѣй! Чѣмъ тамъ такое и отъ кого?

— Нѣть, вы мнѣ сперва скажите.

— О! какъ несносно! Да вы уже знаете, это отъ доктора.

Сердце во мнѣ подпрыгнуло.—Что-же вы... приняли?

— А еще-бы! весело отвѣчала она. И съ плутовскою усмѣшкой:—не только что приняла, а прыгнула ему на шею и цѣловала его, цѣловала такъ крѣпко, что онъ заплакалъ... Чего вы хмуритесь? Развѣ вы не довольны, что я наконецъ нашла для себя пріютъ? Легко сказать, холостому мужчинѣ имѣть у себя на попеченіи молодую дѣвушку: а въ дѣйствительности, вѣдь это обуза... А? Неправда-ли?.. Дѣло прошлое, и я не могу не отдать вамъ чести, вы были весьма деликатны и терпѣливы; не подавали и виду какъ вамъ тяжело. Но я васъ спрашиваю: если-бы этотъ милѣйшій докторъ не вывелъ насть обоихъ изъ затрудненія, чтò,—ну ради Бога, скажите, что вы стали бы дѣлать со мнѣ? И она вертѣлась, заглядывая въ мои глаза съ какимъ-то особыеннымъ любопытствомъ.

— Теперь—это праздный вопросъ, отвѣчалъ я... И такъ какъ вы однажды приняли уже рѣшеніе, то заѣмъ я буду смущать васъ, разсказывая какіе у меня были планы? Можетъ быть вы нашли-бы ихъ глупыми.

Она вздохнула.—Однако, я не ошиблась, сказала она:—Вы положительно хмуритесь. Поль, другъ мой, признайтесь мнѣ прямо, вы недовольны?.. Чѣмъ?

— Ахъ, перестаньте, пожалуйста, Сара. Съ чего мнѣ быть недовольну вашимъ рѣшеніемъ? Оно очень умно и вы не могли поступить иначе... Только...

— Чѣмъ только!.. Да говорите же? говорите! Чего вы тянете ваши слова по одному и съ такимъ трудомъ, точно ихъ надо клемшами вытаскивать изо рту.

— Только теперь я больше уже не нуженъ вамъ, и мнѣ остается уѣхать изъ В**... и, неужли же вы не догадываетесь, что я привязался къ вамъ, Сара, и что мнѣ больно съ вами разстаться?

Она опустила глаза съ глубокимъ вздохомъ.

— Больно немножко? Ну, хорошо: положимъ и мнѣ тоже больно. Ну, а что-же далѣе?

Я молчалъ.

— Только то? Милый вы мой. Ну ничего. Ну дайте я вамъ потру гдѣ больно... И съ шаловливой усмѣшкой, она тихонько погладила меня по спинѣ.—Теперь, когда вы свалили съ плечъ вашу обузу, это пройдетъ... Ну, говорите, съ какимъ же это другимъ предложеніемъ вы пришли?

Я рассказалъ. Она сидѣла, нахохлившись, видимо очень взволнованная, но выслушала все до конца, внимательно.

— Продать систему отца, это открытие надъ которымъ онъ такъ трудился, его заклятому врагу?.. Никогда!

Но видя по моему лицу, что я не согласенъ съ ней, она понемногу понизила тонъ и просила меня сказать ей чистосердечно, что я обѣ этомъ думаю.

— Я думаю, Сара, что вашъ отецъ ошибался, считая его своимъ врагомъ. Это была черта его страстнаго и озлобленнаго несчастіями характера. А что касается до его противника, то нисколько не защищая его какъ

Литературный альбомъ: „Дочь и падчерица“. Народная сказка.

Тепло-ль тебѣ дѣвица,

Тепло-ль тебѣ красная?

Ориг. рис. Н. Каразина, грав. Голевинскій.

содержателя въ высшей степени вредного и безнравственного, публичного заведения, я не думаю, чтобы онъ имѣлъ какую нибудь человѣческую причину считать врагами тѣхъ, кто проигрываетъ ему свое состояніе. Совсѣмъ напротивъ, это его кормильцы и благодѣтели... На счетъ системы теперь, мнѣ кажется, тоже вы сильно преувеличиваете ея значеніе. Въ теоретическомъ отношеніи она не составляетъ открытия и высшая математика служила тутъ только какъ ручка для инструмента, чтобы сдѣлать его удобнымъ къ употребленію. Заслуга ея, если можно назвать заслугой тотъ очень сомнительный результатъ, который отецъ вашъ извлекъ, и который столь же легко, если еще не легче, могъ быть результатомъ простой удачи и смѣлости,—чисто практическая. Но если она и служила отцу, то я не вижу, кому она больше можетъ служить, такъ какъ мы съ вами едва ли решимся ее опубликовать, не говоря ужъ о томъ, что, во всякомъ случаѣ, это соблазнъ и приманка весьма опасного свойства. Если бъ у васъ былъ мужъ или братъ, человѣкъ способный и смѣлый, неужли вы бы не предпочли, чтобы его дарованія и энергія направлены были на болѣе плодотворное дѣло? Взвѣсьте все это спокойно, и вы согласитесь со мной, что даже отецъ вашъ, оставивъ свои бесплодные замыслы мести, не могъ бы придумать для неї, въ настоящемъ случаѣ, никакого лучшаго употребленія, кроме того, которое вамъ предлагаются теперь. Сто тысячъ за то, что, при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, никогда и навѣрно не можетъ вамъ принести ни гроша, развѣ же это не лучшее, чѣмъ отецъ вамъ оставилъ въ наследство,

и развѣ же это не честь, которую Нуаръ отдаетъ невольно памяти своего противника, предлагая вамъ за его систему, зажмуря глаза, такую прѣну?..

Потолковавъ еще и поплакавъ немнога, она согласилась и мы отыскали съ нею въ бумагахъ покойнаго, все чѣмъ могло относиться къ его открытію. Главную массу ихъ составляла простая записка вышедшихъ номеровъ, вверху которыхъ, на заголовкахъ страницъ, вѣдѣ отмѣченъ былъ явственно номеръ индивидуального инструмента. Она занимала въ тетрадяхъ лѣвую сторону, а на правой сопровождалась выкладками и примѣчаніями. Все это было увязано, запечатано и надписано собственноручно Сары...

Обѣдалъ я у неї и послѣ обѣда мы съ нею поѣхали за городъ. Дорогой она была весела; разспрашивала меня чѣмъ я намѣренъ дѣлать когда уѣду изъ В**, и какъ скоро я полагаю вернуться въ Россію, и—о моихъ дальнѣйшихъ планахъ. Но я былъ не въ духѣ и отвѣчалъ ей такую нескладицу, что она не разъ смеялась, широко открывъ глаза.

— Поль! Да вы бредите?

— Можетъ быть, отвѣчалъ я.—Не спрашивайте;—я самъ не знаю чѣмъ я говорю... Я не думалъ...

— Чѣмъ вы не думали? Поль, милый, скажите мнѣ правду.

— Не думалъ, что я уѣду отсюда одинъ, отвѣчалъ я понизивъ голосъ и не смотря на нее.

Она тяжело вздохнула, но промолчала и ничего серьезнаго, въ этотъ вечеръ, не было больше сказано.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Другъ Камилла.

Разсказъ Альбины.

(Продолженіе).

Камилль Морандо и Паоло Баттани вернулись въ городъ въ тотъ же вечеръ, а въ понедѣльникъ туда же отправилась часть семейства Торрезе: мать и Джина съ Франко и Тонино, которымъ надо было идти въ школу. Но Камилль не видѣлъ ихъ въ этотъ день, потому что долженъ былъ заняться постановкой новой машины на своей бумажной фабрикѣ, находящейся не въ городѣ, куда онъ не вернулся и вечеромъ, чтобы на другое утро самому пустить въ ходъ эту машину.

Онъ не видѣлъ своей Джини до вторника вечера, и можете себѣ представить, съ какой радостью и вмѣстѣ съ беззаботствомъ онъ вошелъ къ нимъ въ гостиную. Но Джина, широко раскрывъ глаза, какъ-то странно и серіозно взглянула на него.

— Добрый вечеръ, сказала она тихимъ голосомъ и крѣпко пожала его руку.

Синьора Анна, улыбаясь, протянула ему свою руку, но улыбка была нѣсколько принужденная.

Франко, зарывшись въ тетрадяхъ и учебникахъ, бормоталъ что-то непонятное.

— Какъ ты себя чувствуешь, Франко? спросилъ его Камилль.

— Отлично, отвѣтилъ онъ сухо, и перо его яростно заскрипѣло на тетради.

Франко въ дурномъ расположеніи духа!!

Что такое случилось? Они какъ будто имѣли что-то противъ Камилла. Онъ не смѣлъ спросить, ему казалось, что его Джина и мать ея стараются скрыть что-то отъ него.

Синьора Анна спросила его про мать и его сестеръ—у него ихъ было двѣ, недавно вышедшихъ замужъ—потомъ она заговорила о его машинѣ. Очевидно ей хотѣлось завести разговоръ о постороннихъ предметахъ, чтобы отвлечь его вниманіе и мысли. Но Камилль уже не слушалъ, что она говорила—онъ замѣтилъ, какъ судорожно бились жилки на вискахъ Джини, наклонившейся надъ вышиваніемъ.

— Что, тебѣ развѣ не здоровиться, Джина? сказалъ онъ вдругъ схвативъ ее за руку и стараясь заглянуть ей въ лицо. Что такое? Случилось развѣ что нибудь? Могу я узнать въ чѣмъ дѣло?

— Да ничего нѣтъ, ничего! отвѣтила смущенно и испуганно синьора Анна.

— О, мама! отчего не сказать ему? воскликнула молодая девушка растроганнымъ голосомъ. Мать со страхомъ посмотрѣла на нее.

— Да чего ты боишься? продолжала она краснѣя и даже съ некоторымъ негодованіемъ. Развѣ ты не успокоилась еще послѣ того, что я тебѣ сказала?

Синьора Анна ничего не отвѣчала; она встала, блѣдная идержанная, и сдѣлала знакъ Франко, чтобы онъ всталъ.

Страшное волненіе овладѣло Камилломъ; его сердце сжалось

какъ бы отъ предчувствія какого-то горя, которое онъ не могъ себѣ объяснить. Онъ тщетно спрашивалъ свою совѣсть, но ничего не находилъ, въ чѣмъ бы могъ упрекнуть себя; а между тѣмъ на лицѣ синьоры Анны виднѣлся какъ бы упрекъ.

Онъ взялъ обѣ руки Джини и прижалъ ихъ къ губамъ съ страстнымъ порывомъ любви и благодарности; она чувствовала, что она его защищала; онъ не зналъ, отъ кого и отъ чего, но былъ въ томъ увѣренъ.

— Сокровище мое, у тебя горе и ты не хочешь повѣдать мнѣ его.

— О, нѣтъ: я скажу тебѣ — погоди, погоди только немнога, и она старалась оправиться и собраться съ духомъ.

Хорошенький Франко, между тѣмъ, складывалъ свои книги, чтобы уйти въ свою комнату, но все время сердито смотрѣлъ въ лицо Камилла.

Молодой человѣкъ выпрямился.—Да что такое случилось? воскликнулъ онъ громко, негодуя. Что вы всѣ имѣете противъ меня сегодня? Что я такое, наконецъ, сдѣлалъ? Франко, сейчасъ опусти глаза и не гляди такъ, или ты пожалѣешь о томъ, что не послушался меня.

Онъ совсѣмъ забылся; кровь его вихѣла.

Джина положила ему на руку свою руку и блѣдная, твердо сказала брату:

— Уйди Франко! ты совсѣмъ не знаешь въ чѣмъ дѣло.

— Какъ, я все знаю! Мнѣ все сказала тетушка. Дай мнѣ говорить. Ты что же можешь ему сказать?

Джина съ улыбкой взглянула на брата, какъ будто хотѣла сказать: „бѣдный мальчикъ“!

— Камилль, сказала она потомъ прерывающимъ голосомъ, но съ твердымъ и полнымъ довѣрія взглядомъ. Злонамѣренный человѣкъ оклеветалъ тебя и нельзѧ было вполнѣ защитить тебя отъ обвиненій, переданныхъ подъ секретомъ. Побѣженные этимъ кажущимся правдоподобіемъ, мои семейные испугались. Я-же только разсердилась, потому что знаю, гдѣ кончается правда и гдѣ начинается клевета. Я могу судить обѣ этомъ. Не правда-ли Камилль, ты мнѣ открылъ всю свою жизнь, всю свою душу? Скажи это моей матери; скажи это Франко! и она рѣдко закрыла лицо руками.

Но скоро она опять подняла голову и продолжала съ горечью и какъ-бы усмѣшкою.

— Видишъ-ли! между прочимъ насъ увѣряли, что твой самый дорогой другъ нѣкто одинъ изъ самыхъ развратныхъ молодыхъ людей въ Миланѣ! Не правда-ли, Камилль, ты даже не знаешь кто такой этотъ Маффенсъ?

— Маффенсъ? Пиппо Маффенсъ? воскликнулъ Камилль вскакивая. Да, это мой самый дорогой другъ!

Джина прислонилась к столу и испуганно вытаращила глаза.
— Да, Маффенсъ мой самый дорогой и самый давнишний другъ, повторилъ Камилль.

Никто не отвѣчалъ ему; Джина тяжело дышала.

— Джина, ты еще намедни повторила мнѣ, что вполнѣ и безгранично довѣряешь моему характеру и моей любви, а сегодня, потому что дуракъ — хуже, клеветникъ, негодяй... Джина! скажи что ты не вѣришь!

Дѣвушка протянула ему обѣ руки и вѣ е взглядѣ снова отразились любовь и довѣrie.

— Камилль, ты не могъ обмануть меня, если-же сдѣлалъ это, то потому, что счѣтъ это нужнымъ, не правда-ли? И твоя дружба къ Маффенсу еще не доказываетъ...

Синьора Анна опять возвратилась къ столу и облокотившись на него сказала медленно и сдержанно:

— Надо думать, что у васъ, молодыхъ людей, вѣрно менѣе достоинства, чѣмъ у насъ, или вы понимаете его иначе. Мы не могли, стыдились-бы быть дружными съ какой нибудь женской... ты понимаешь меня Камилль? Ты-же напротивъ стесненный, образованный, хороший молодой человѣкъ дѣлаешься другомъ развратника, бездѣльника, какъ этотъ Маффенсъ.

— Извините меня, синьора Анна. Скажите мнѣ: если-бы вы съ дѣствомъ были дружны съ женщиной доброй, хорошей, но такъ были бы дружны, что жили-бы вмѣстѣ и знали всѣ ея мысли, и если-бы вѣ одинъ прекрасный день эта женщина, нелюбимая мужемъ, не имѣющая дѣтей, на которыхъ перенести свою привязанность и вѣ комъ найдти защиту — почему я знаю наконецъ почему — позволила-бы себѣ увлечься, какъ это мы видимъ такъ часто! Скажите! бросили-ли бы ее? Оставили-ли бы окончательно погибнуть? Или-же не постарались-ли бы вы спасти ее, защитить отъ обвиненій и, не боясь свое честное имя ставить на ряду съ нею, заставить уважать бѣдную женщину? Скажите, вѣдь вы бы сдѣлали такъ?

— Да.

— Ну, такъ исторія Маффенса вѣ такомъ родѣ. Ужасное горе, обстоятельства неожиданныя и непредвидѣнныя сдѣлали его тѣмъ, что онъ теперь. Это моя тайна, которую я хотѣлъ повѣрить одной только моей Джинѣ, но теперь я вижу, что необходимо, чтобы и вы синьора Анна и ты Франко узнали ее.

Страшная блѣдность покрыла его лицо; онъ опустилъ свой взглядъ, вѣ которомъ свѣтилось негодованіе.

* * *

«Мы были товарищами по школѣ, началь онъ; сначала я опережалъ его, но вѣ пятомъ классѣ гимназіи онъ догналъ меня и съ этихъ поръ мы не разставались болѣе.

Онъ былъ тише и прилежнѣе меня и часто помогалъ мнѣ. Мы вмѣстѣ отправились вѣ Павію и жили на квартирѣ вѣ одномъ домѣ, поэтому никогда не разставались. Я сообщалъ ему свои впечатлѣнія, а онъ старался умѣрять ихъ своею сдержанностью и практичностью.

Онъ былъ выше меня ростомъ и гораздо сильнѣе и какъ-то невольно относился ко мнѣ съ нѣжнымъ вниманіемъ и заботливостью, какъ будто я былъ младшій братъ его, такъ что товарищи даже дали намъ кличку *папаша* и *сыночекъ*. Онъ не скрывалъ своего физического надо мною превосходства, но когда у насъ заходили споры о наукѣ или политикѣ, онъ какъ будто сожалѣлъ о своемъ преимуществѣ и если замѣчалъ, что я побѣжденъ его краснорѣчіемъ и строгими умозрѣніями, онъ вдругъ останавливался и говорилъ мнѣ: теперь слово за тобою. Скажи что нибудь! И если находилъ мое мнѣніе справедливымъ, то восклицалъ вѣ восторгѣ:

— Ты правъ, Ками — онъ такъ называлъ меня. Вѣ этотъ разъ поэзія побѣдила прозу.

Мы возвратились вѣ Миланъ вѣ политехническое училище и особенно послѣдній годъ я учился серьезно, потому что Пиппо заставлялъ меня работать.

Окончивши курсъ и получивъ медали, мы вздохнули свободно, сдѣлали путешествие щѣскомъ по Швейцаріи и наконецъ отдохнули съ мѣсяцъ вѣ моемъ домикѣ на берегу Лаго Маджюре.

Это было самое счастливое время вѣ его жизни; онъ часто повторялъ мнѣ это и я тогда понялъ, хотя онъ мнѣ не говорилъ этого, что онъ несчастливъ вѣ своей семье. Его мать, изящная, богатая вдова, отдала его, совсѣмъ ребенкомъ, вѣ гимназію и болѣе не заботилась о немъ, такъ что онъ сдѣлался сдержанъ, скрытенъ и по наружности холоденъ.

Когда она нашла, что пришло время взять его оттуда и представить своимъ знакомымъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ сестрою принялъ участіе вѣ шумномъ и веселомъ образѣ жизни, то оказался совсѣмъ неспособнымъ къ тому; онъ не могъ имѣть сочувствовать и скоро соскучившись попробовалъ удалиться отъ нихъ, что ему мало по малу и удалось, къ неудовольствію его матери и сестры, оставшихся такимъ образомъ безъ кавалера.

Получивъ званіе инженеровъ, мы надѣялись не только скоро найти мѣста, но думали, что насъ будутъ очень искать, а вмѣсто того намъ самимъ пришлось искать долго и безуспѣшно.

Я, болѣе нетерпѣливый, уже терялъ надежду. Пиппо, напротивъ, хладнокровнѣе, какъ всегда, цѣлые дни проводилъ вѣ плавильнѣ, изучая нѣкоторыя машины и если-бы я не отвле-

каль его изрѣдка, то и по вечерамъ онъ не покидалъ бы никогда своего рабочаго стола.

Я представилъ его вѣ нѣкоторыя знакомыя мнѣ семейства, между прочимъ вѣ домѣ Де-Микели и вѣ домѣ Серафино, вѣ которыхъ почти всегда собиралось одно и тоже общество; вѣ домѣ Де-Микели никогда не отсутствовало семейство Серафино а вѣ домѣ Серафино всегда бывала синьора Де-Микели со своей дочерью.

Вы не знаявали ее? Это была маленькая, хорошенъкая блондинка, съ кроткими и робкими свѣтыми глазами.

Она была довольно слабаго сложенія и я помню, что мать ея часто съ беспокойствомъ спрашивала ее какъ она себя чувствуетъ и не холодно-ли ей или не жарко-ли, и только что она кончить танцевать, она спѣшить закутать ее вѣ шерстянную мантлью. Она, навѣрно, была очень милая и добрая, потому что подруги очень любили ее и наперерывъ звали къ себѣ.

Маффенсъ почему-то находилъ ее непривлекательной; онъ говорилъ мнѣ, что ему еще никогда не случалось быть такъ равнодушнымъ къ молодой дѣвушкѣ.

Онъ находилъ, что вѣ этомъ блѣдномъ личикѣ не было никакого выраженія; она казалась ему слишкомъ робкой и слишкомъ холодной; а онъ любилъ глаза черные и лица выразительныя. А между тѣмъ онъ долженъ-быть ненавидѣть ихъ, потому что именно два такихъ удивительныхъ черныхъ глаза передъ этимъ возбудили весь скрытый вѣ его душѣ огонь страсти.

— Ками! сказалъ онъ мнѣ, возвращаясь однажды со мною съ вечера отъ Де-Микели. Я сдѣлалъ открытие, которое для другихъ было-бы несчастіемъ, но для меня составляетъ нѣкоторымъ образомъ облегченіе.

— Что такое сказала я.

— Синьорина Де-Микели меня терпѣть не можетъ.

— Какъ! Это невозможно.

— Невозможно. Слушай и суди самъ. Сегодня вечеромъ я подошелъ къ ней и попросилъ ее на котильонъ. Она вадрогнула, какъ будто я ударилъ ее кинжаломъ, посмотрѣла на меня пристально своими глазами, которыхъ выраженіе такъ непонятно, покраснѣла какъ огонь, потомъ поблѣднѣла и подала мнѣ руку.

— Можетъ быть вы устали? спросилъ я. Можетъ быть вы желаете отдохнуть? И она снова опустилась на стулъ, отвѣтивъ мнѣ едва внятнымъ голосомъ: «Да». Ну, какъ это тебѣ покажется, Ками?

— Можетъ быть она точно устала, сказала я ему смѣясь.

— Неужели? Но я понялъ ее и тотчасъ отвѣсилъ ей низкій поклонъ. О, ей нечего опасаться, я не оскверню болѣе своимъ недостойнымъ присутствиемъ ея гостиной; клянусь ей вѣ томъ.

Я былъ очень удивленъ и старался убѣдить его, что онъ не такъ понялъ, или что ошибка могла быть со стороны синьоры, вслѣдствіе ея робости.

Но Пиппо расхохотался.

— Ха, ха, милый Ками! Я набрался опыта и знаю женщинъ какъ можетъ быть немногіе знать ихъ. Ты улыбаешься. Тебѣ это кажется невозможнымъ, а? Потому что ты знаешь, что я мало вращался вѣ обществѣ и былъ знакомъ съ немногими женщинами впродолженіи моей жизни. Но видишь-ли! не актерамъ судить о комедіи. А между зрителями большая разница. Сидящіе прямо противъ сцены смотрѣтъ на игру спокойно и внимательно и когда актриса блѣднѣетъ и плачетъ, они волнуются и на минуту увлекаются призракомъ правды. Но я, милый мой, вѣ своей закулисной ложѣ, вижу подведеніе глаза, притиранія и парикъ! вижу принужденную улыбку и сухіе, подъ платкомъ, глаза — и слышу голосъ суфлера, ха, ха! Но извини меня пожалуйста, я хотѣлъ только сказать тебѣ, что вѣ некоторыхъ словахъ есть неуловимые оттѣнки, понятные только тѣмъ, къ кому они относятся, и что синьорина Микели нисколько не церемонилась со мною; а просто она терпѣть меня не можетъ; вѣроятно она надѣялась танцевать котильонъ съ кѣмъ нибудь другимъ и потому растерялась, когда я пригласилъ ее.

Я шелъ съ нимъ рядомъ, и не мѣшалъ ему высказаться.

Я не останавливалъ его, но невольно спрашивалъ себя, почему онъ говорить именно такъ вѣ этотъ вечеръ. Конечно его смущило оскорблѣніе, нанесенное его самолюбію, и можетъ быть оно разшевелило вѣ его сердцѣ всю горечь, оставленную вѣ немъ обманчивымъ взглядомъ тѣхъ двухъ удивительныхъ черныхъ глазъ.

Но вдругъ меня озарила мысль, до того новая и неожиданная, что я не слушалъ болѣе, что еще говорилъ Маффенсъ и очнулся только когда онъ воскликнулъ: о чёмъ ты думаешь Ками?

— О чёмъ я думаю, отвѣчалъ я; сказать развѣ тебѣ? Синьорина Де-Микели просто влюблена вѣ тебя.

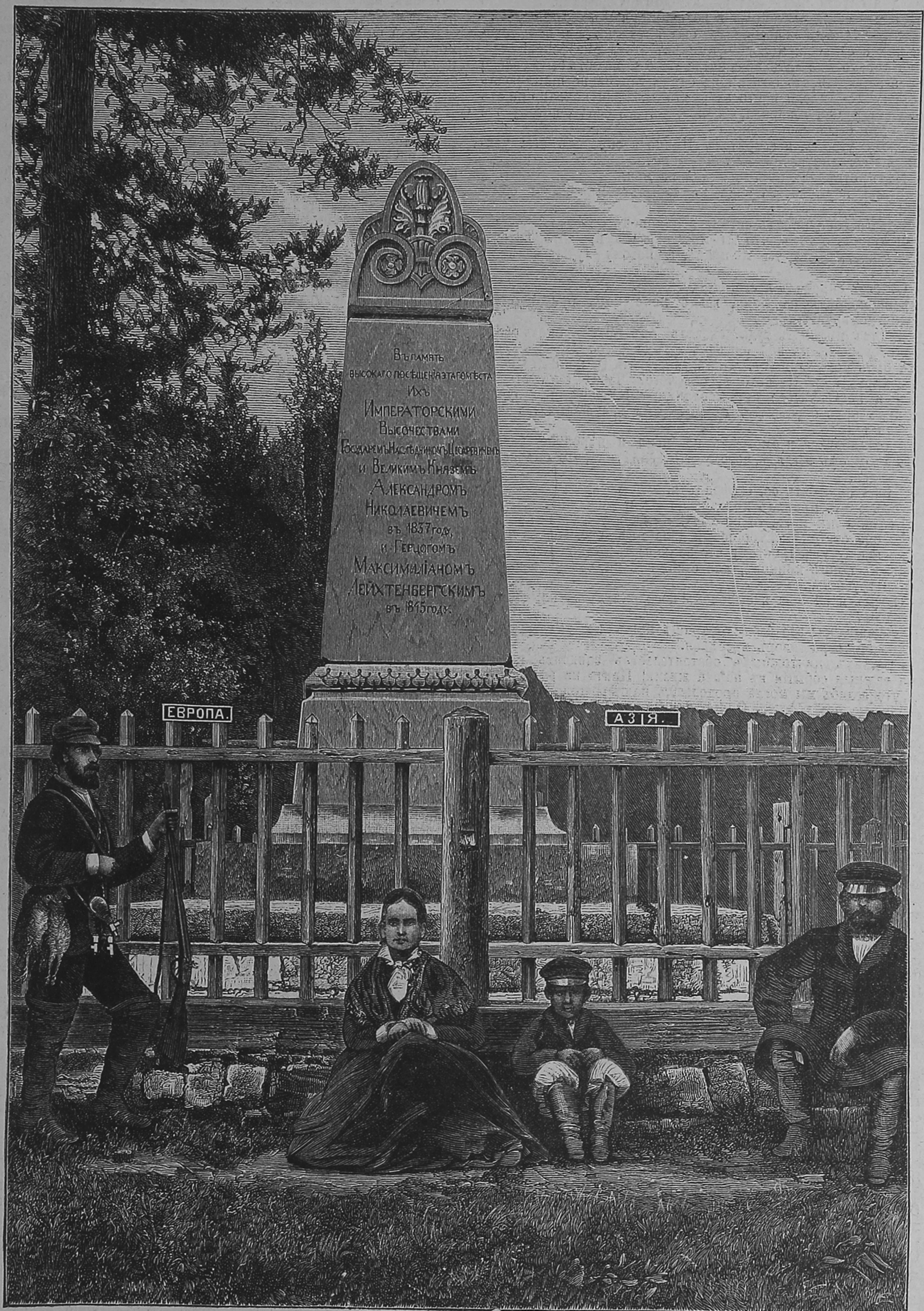
Пиппо остановился и засмѣялся продолжительнымъ и звонкимъ смѣхомъ, о, очень звонкимъ! но это былъ какъ перезвонъ надтреснутаго колокола.

Мы перемѣнили разговоръ, но вдругъ онъ засмѣялся вновь и я уже не спрашивалъ отчего. Но когда мы дошли до дверей моего дома, онъ мнѣ сказалъ:

— Ты сказалъ глупость Ками! И ты отлично знаешь это. Не такой я мальчикъ, чтобы дѣвушкѣ влюбиться вѣ меня.

Пѣсня спѣта. Съ картины Вернера Шуха, грав. Кезебергъ и Эртель.

Граница Европы и Азии.

Память посещения этого места ихъ императорскими высочествами Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и великимъ княземъ Александромъ Николаевичемъ въ 1837 году, и герцогомъ Максимилианомъ Лейхтенбергскимъ въ 1845 г.
Съ фотографіи Лахмальера въ Екатеринбургѣ, грав. М. Ращевский.

Два дня спустя былъ вечеръ въ домѣ Серафино: и Пиппо Маффенсъ—всегда достойный и величавый какъ старый джентльменъ—нѣсколько посбавилъ своей важности и всѣ говорили: какой славный молодой человѣкъ этотъ Маффенсъ!

Одна только моя мать не сказала этого и можетъ быть только она и я замѣтили, что онъ ни на одинъ танецъ не приглашалъ синьорину Де-Микели и что ея ручки дрожали конечно не отъ холода когда она говорила, что не танцуетъ болѣе, потому что устала—это была неправда.

Въ среду утромъ, я встрѣтилъ Пиппо и спросилъ его: увидимся мы сегодня вечеромъ у Де-Микели.

— Нѣть, отвѣчалъ онъ, не глядя на меня.

— Какъ! неужели ты еще не забылъ? Какой ты обидчивый!

Онъ долго раскуривалъ сигару и наконецъ отвѣтилъ:

— Я думалъ о томъ, что ты мнѣ сказалъ въ тотъ вечеръ. Очень можетъ быть ты и правъ, а потому лучше мнѣ не идти туда.

— Отчего? спросилъ я его.

Онъ посмотрѣлъ на меня, взялъ меня подъ руку и опять сдѣлался довѣрчивымъ.

— Зачѣмъ мнѣ идти туда? сказалъ онъ. Чтобы опять быть невнимательнымъ къ ней какъ въ тотъ вечеръ. Но два раза нельзя быть невѣжливымъ. Чтобы ухаживать за ней? Это не въ моемъ характерѣ. И потомъ, для чего? Чтобы смотрѣть ея улыбку и позабавиться для масляницы? Нѣть Ками! я лучше знаю какъ надо обращаться съ молодыми дѣвушками. Къ чему мнѣ идти туда?

Онъ остановился и смотрѣлъ на меня и вѣроятно читалъ отвѣтъ въ моемъ взглѣдѣ, потому что я замѣтилъ, что онъ какъ-бы смутился.

— Чтобы полюбить ее, отвѣчалъ я.

Но онъ опять принялъ холодный видъ и воскрикнулъ: Нѣть Ками! еслибъ я и могъ, то не хочу! Когда я у жизни просилъ радости, она отвѣтила: „Хорошо“ и дала мнѣ горе. Теперь я ничего не прошу у нея, потому что знаю чѣмъ это кончится. Вотъ видишь, въ концѣ концовъ, моя стойкость ни что иное какъ... ужасная трусость...

— О, вотъ и палаша и сыночекъ! воскрикнулъ за нами веселый голосъ.

Мы обернулись; это былъ товарищъ нашъ по университету. Понятно нашъ разговоръ пресѣкся.

Отъ какихъ ничтожныхъ обстоятельствъ зависятъ иногда самыя важныя событія въ нашей жизни! Никто не разувѣритъ меня, что еслибъ мы могли продолжать нашъ разговоръ, мнѣ бы навѣрно удалось убѣдить Пиппо прийти въ этотъ вечеръ въ домъ Де-Микели; еслибъ онъ пошелъ, какъ бы это все кончилось?

Синьорина Микели посмотрѣла на меня съ беспокойствомъ, когда я вошелъ въ гостинную, и поблѣдѣла, видя что я одинъ. Мать ея спросила меня про Меффенса и я отвѣтилъ, что не видѣлъ его въ тотъ день и думалъ найти его тутъ.

Молодая дѣвушка слушала меня молча и блѣдная, закашлялась и закрыла глаза одной рукою.

— Однако какъ ты кашляешь! воскрикнула одна изъ ея тетокъ; было очень неосторожно, что ты встала съ постели. Этотъ кашель все ухудшается.

— У меня нѣть лихорадки, едва слышно отвѣчала молодая дѣвушка, я чувствую себя отлично и встала.

Она танцевала и я потерялъ ее изъ виду, а когда она вернулась, то раскраснѣлась и ожила, и въ ея голубыхъ глазахъ былъ такой блескъ, какого я никогда не видалъ въ нихъ.

Черезъ день была пятница масляницы, второе марта.

Я стоялъ съ Карини и еще съ кѣмъ то на Корсо, которая тогда называлась Кафе Мерло—и смотрѣлъ на вереницу проѣзжающихъ экипажей. Вдругъ мы увидали карету со спущенными шторами, которая выѣхала изъ ряда и пробовала свернуть въ улицу Сан-Паоло. Но жандармъ верхомъ бросился по перегъ дороги и закричалъ: стой!

Мы смотрѣли и шутили надъ этими спущенными шторами, когда дверца отворились, мужчина закричалъ: „Ради Бога, прощите меня“ и она опять затворилась.

— Да что это! Кажется это Маффенсъ? Да, это онъ: нѣть, это не онъ! я бросился въ толпу, пробился впередъ и отворилъ дверцу.

Это былъ онъ! блѣдный какъ мертвѣцъ, съ растрепанными волосами и странно блуждающими глазами.

Онъ вздрогнулъ, увида меня, схватилъ меня за руку, вташилъ къ себѣ—дверца захлопнулась и лошадь помчалась.

— Что такое? спросилъ я совершенно разстроенный.

Онъ отвѣтилъ глухимъ голосомъ:

— Я съума скожу! Вотъ что!

— Пиппо, ради Христа, говори! что случилось?

— Она умерла! отвѣчалъ онъ глухо.

— Кто? Боже мой!... Можетъ быть мать твоя?

— Нѣть она, она, Ками! закричалъ онъ оборвавшимся голосомъ и схвативъ меня за руку: блѣдная Микели, понимаешь! Она захотѣла меня видѣть и я видѣлъ ее и она умерла, Ками! Не стою ли я, чтобы ея мать убила меня? а вмѣсто того она меня поцѣловала.

И онъ, какъ ребенокъ, положилъ мнѣ на плечо голову и заплакалъ.

Карета остановилась, я отворилъ дверцу, мы были передъ моимъ домомъ. Я крѣпко сжалъ руку моего блѣднаго Пиппо; это меня онъ розыскивалъ въ эту горестную минуту. Онъ совсѣмъ ослабѣлъ; онъ поднялся на лѣстницу, опираясь на мою руку и мы вошли въ квартиру.

Моя мать и мои сестры ушли на гулянья и не слышно было ни малѣшаго шума. Моя квартира никогда не казалась мнѣ такой темной, пустой и грустной, какъ въ эту минуту.

Пиппо сѣлъ и осмотрѣлся съ удивленіемъ и смущеніемъ, какъ будто просыпался отъ сна и старался понять что съ нимъ; потомъ онъ бросился въ подушки, спряталъ въ нихъ голову и разразился страшными рыданіями; все его крѣпкое тѣло судорожно вздрогивало.

Это былъ припадокъ горя, при видѣ которого кровь стыла въ жилахъ.

Что я могъ сдѣлать? Что сказать ему?

Не знаю что бы я далъ, чтобы имѣть возможность сказать ему: Пиппо, все это неправда! это былъ сонъ, бредъ! Я и самъ, одно мгновеніе, сомнѣвался и хотѣлъ было бѣжать въ домъ Микели чтобы удостовѣриться.

Въ эту минуту я услыхалъ въсосѣдней комнатѣ голоса моихъ сестеръ и побѣжалъ къ нимъ.

Онъ испугались, видя что я такъ разстроенъ и съ распухшими отъ слезъ глазами, и спросили меня робко: развѣ ты уже знаешь!

Вошла моя мать, я все ей рассказалъ и умолялъ ее помочь мнѣ.

И она пошла со мною; онъ вздрогнулъ отъ прикосновенія къ его горячemu лбу ея легкой руки, но приподнявшись, какъ то стыдливо пробормоталъ: благодарю и старался прийти въ себя.

Потомъ онъ сказалъ не глядя на меня.

— Не говори ничего моей матери; я не хочу ей говорить этого; она меня не пойметъ; избавь меня и ее отъ нового горя. Напиши... или нѣть дай мнѣ бумаги.

И онъ написалъ на визитной карточкѣ:

— Уѣзжаю въ обществѣ друзей. Буду въ отсутствії нѣсколько дней.

И на обратѣ онъ написалъ имя своей матери.

Блѣдный мой Пиппо! это была скорбь, которую онъ всегда скрывалъ отъ меня, и въ эту минуту она показалась мнѣ большими несчастіемъ.

Мать моя сѣла возлѣ него.

Онъ опять упалъ на подушки и пробормоталъ: Я не стѣю, чтобы вы заботились обо мнѣ—чтобы желали мнѣ добра.

Его всегда твердый голосъ сдѣлался слабъ какъ дѣтскій.

— Почему? Въ чёмъ вы виноваты? спросила его моя мать.

— Она умерла по моей винѣ! Она любила меня, она! а я... о, ты знаешь, Ками!

Мать моя старалась увѣрить его, что покойная всегда была слаба; что отъ малѣшай неосторожности у нея дѣлалась лихорадка, что въ эту масляницу она вѣроятно слишкомъ много танцевала и схватила воспаленіе въ легкихъ; но Пиппо продолжалъ говорить, что это онъ убилъ ее, что былъ грубъ съ ней, что еслибъ онъ сказалъ ей доброе слово, она бы не захврала. Стало смеркаться; я стоялъ у окна, приложивъ лобъ къ стеклу. Мнѣ слышалось его тяжелое дыханіе и я думалъ, что онъ спитъ; вдругъ онъ позвалъ меня.

Я бросился къ нему.

— Ками, сказалъ онъ мнѣ приподнявшись, едва слышнымъ, глухимъ голосомъ, еслибъ я, по крайней мѣрѣ, могъ услышать хотя одно ея слово и отвѣтить ей что нибудь! Еслибъ я послѣ во время, чтобы умолять ее простить меня! Но она только вскрикнула, тронула мнѣ руки и широко раскрыла глаза; но эти блѣдныe ручки безсильно упали, а глаза уже открылись въ другомъ мірѣ. Зачѣмъ такъ вдругъ? точно молнія? Я боюсь Ками!.. И онъ схватилъ меня за плечо.

— Мое единственное утѣшеніе, въ настоящую минуту, твоя дружба. Судьба преслѣдуєтъ меня и я увѣренъ, видишь ли, говорю тебѣ, она разлучитъ насъ; ты покинешь меня, оставилъ меня одного!..

Его голосъ замеръ въ рыданіяхъ.

Туть-то, Джина, я и поклялся ему, что чтобы ни случилось со мною, я никогда его не покину.

Дрожащая ручка Джина протянулась черезъ столъ и крѣпко сжала руку Камилла Морандо; а то ея лицу струились слезы, которая она не думала осушать.

У синьоры Анны были красные глаза, а Франко въ смущеніи кусалъ перо зубами.

— А потомъ, спросила съ нетерпѣніемъ молодая дѣвушка.

— Потомъ? развѣ я долженъ все разсказать?

— О, да!

Камилла продолжалъ: весь этотъ вечеръ Пиппо находился въ тяжелой дремотѣ и какъ-бы въ бреду, но къ ночи онъ утихъ, а къ утру его сонъ сдѣлался совсѣмъ спокоенъ.

Мать моя приготовила мнѣ постель рядомъ съ нимъ, но только что я закрывалъ глаза, какъ вздрогивалъ отъ страха, и снова принимался глядѣть на него. Въ это утро я вознесъ теплый

мольбы к Богу, чтобы мой бедный друг проснулся спокойным какъ всегда. Одну минуту я почти надѣялся, что чудо совершилось. Онъ такъ ровно дышалъ. Его лобъ сладился, губы закрылись. Я столько разъ видѣлъ его такъ спящимъ, когда еще мы были дѣтьми и намъ снились Цицеронъ и военные ученья на площади Кастелло.

Онъ медленно открылъ глаза, но потомъ вздрогнулъ, какъ будто проснулся. Онъ вспомнилъ, молча и не глядя на меня пожалъ мнѣ руку; взглядъ его былъ неясный и печальный, но въ глазахъ у него не было болѣе слезъ.

Вечеромъ, часовъ въ девять, я уговорилъ его выйти, подышать воздухомъ; но онъ былъ слабъ, безсиленъ. Онъ оперся на мою руку и время отъ времени останавливался перевести духъ, точно выздоравливающій. Я хотѣлъ направиться въ одну сторону, но онъ сказалъ мнѣ: „нѣтъ сюда“ и повелъ меня на улицу Дуому.

Былъ послѣдний вечеръ масляницы и хотя только что пересталъ идти снѣгъ, улицы кишили народомъ, и на площади, освѣщенной болѣе обыкновенного, играла военная музыка. Время отъ времени раздавался пронзительный крикъ и около настъ проходили замаскированные. Пиппо шелъ блѣдный и растерянный среди этой шумной, веселой толпы.

Онъ повелъ меня на Корсо; проходя мимо улицы Санть-Паоло я пришелъ въ ужасъ. Я хотѣлъ свернуть въ одну улицу, потомъ въ другую; но онъ продолжалъ тянуть меня впередъ, все тяжело опираясь рукою на мою.

— Пиппо, вернемся домой! сказалъ я ему. Онъ отвѣтилъ мнѣ „нѣтъ“ и бросилъ мою руку.

Сколько разъ мы, во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, шли вмѣстѣ по этой улицѣ, веселые и беззаботные, придумывая новые фигуры для котильона.

Я не смѣлъ поднять глаза и надѣялся, что Пиппо не остановится; но онъ именно это и сдѣлалъ и прислонившись къ стѣнѣ одного дома поднялъ голову.

Въ домѣ напротивъ только одно окно въ первомъ этажѣ было освѣщено. Рамы были отворены и ночной воздухъ, проникая туда, слегка колебалъ бѣлый кисейный занавѣси.

Улица была пуста, царствовало торжественное молчаніе.—О, какъ-бы я хотѣлъ — хотѣлъ-бы увидѣть ее еще одинъ послѣд-

ній разъ! сказалъ Пиппо въ волненіи, но тихо, какъ-бы боясь разбудить ее. Затѣмъ онъ быстро пошелъ.

Мы молча возвратились домой, но дошедши до дома, гдѣ я тогда жилъ, онъ вдругъ спросилъ меня.

— Куда ты меня ведешь?

— Къ себѣ домой.

— Къ тебѣ? Чѣмъ еще обезпокоить вѣхъ? Нѣтъ я не хочу идти къ тебѣ, Ками! Не думай болѣе обо мнѣ. Дай мнѣ уйтти.

— Да куда ты хочешь идти?

— Куда? Я и самъ не знаю, но только я уйду. Его голосъ былъ твердъ, даже рѣзокъ.

— Пиппо, сказалъ я ему, ты вчера заставилъ меня обѣщать тебѣ, что я никогда не оставлю тебя.

— А если я оставлю тебя?

— Ты? Мнѣ казалось, что я понялъ ужасное значеніе этихъ словъ. Отъ волненія у меня замеръ голосъ.

— Ками, не бойся, отвѣтилъ онъ мнѣ. Я слишкомъ трусливъ, чтобы избавиться такимъ образомъ отъ угрозы совѣсти. Я боюсь смерти, признаюсь тебѣ. Я ее видѣлъ, смерть, и еслиъ ты зналъ... Ты поймешь, что я властенъ надъ своимъ сердцемъ, своей волей. О, мнѣ удастся! ты увидишь, мнѣ удастся побѣдить это горе, которое можетъ свести меня съума! Я не ребенокъ! и онъ улыбнулся сжатыми губами.

— О я увѣренъ, что тебѣ удастся, отвѣчалъ я ему. Тебѣ только нужно немного спокойствія. Пойдемъ ко мнѣ, Пиццо. Моя мать поговоритъ съ тобою. Вѣрь мнѣ, моя мать робкая и простая, но она такъ добра, она святая! Она сердцемъ понимаетъ чего не можетъ постичь умомъ; сколько разъ одно ея слово утѣшало и ободряло меня, иногда оно казалось мнѣ точно откровеніе.

Я помню, что онъ пристально посмотрѣлъ на меня и его взглядъ былъ глубоко печаленъ, но это была другая печаль.

И вдругъ онъ очнулся и сказалъ рѣзко, протягивая мнѣ руку: прощай Ками! спасибо тебѣ!

Я былъ до того пораженъ, что не нашелся ничего сказать и смотрѣлъ ему вслѣдъ не останавливая, но и не идя за нимъ...

(Окончаніе въ слѣд. №).

Къ рисункамъ,

Осенніяя буря.

(Рис. на стр. 148 и 149).

Яростно бьются и плещутъ сумрачныя сѣрыя осенния волны, рѣвѣтъ вѣтеръ такъ и рѣжетъ лицо, осыпая мелкими брызгами и косымъ мелкимъ дождемъ. Море кипитъ какъ вода въ котлѣ. Вдали видно носящееся по морю, по волѣ вѣтровъ судно, съ котораго изрѣдка доносятся съ бѣшенными порывами вѣтра отчаянныя крики о помощи. Все, привычное къ этимъ вещамъ, прибрежное населеніе бѣжитъ на каменистый, покрытый валунами берегъ. Матросы спасательной станціи уже на своемъ посту: они одѣты, готовы на трудный подвигъ и отважно несутся по волнамъ на помощь погибающимъ. Не наши ли это тамъ въ такомъ ужасномъ положеніи? думаютъ встревоженные жители, и все, и старъ и младъ, высыпаютъ на берегъ и съ тревожнымъ вниманіемъ вглядываются въ сѣрую даль. Здѣсь есть и дѣти и старухи. Вотъ молодая дѣвушка помогаетъ своей бабушкѣ взобраться на высокій валунъ... Тамъ вдали тревожно переговариваются... слышны догадки, предположенія... крики, людскіе голоса... И все это покрываетъ своимъ грознымъ ревомъ бушующее, безпощадное, бурное море...

„Морозко“. (Дочь и падчерица).

(Рис. на стр. 153).

У старика и старухи было три дочери. Старшая доводилась старухѣ падчерицею. Мачиха не любила ея, черезъ мѣру утруждала работою, часто лишала сна и пищи, однимъ словомъ относилась къ Марфушѣ (такъ звали бѣдную дѣвушку) какъ настоящая сказочная мачиха (замѣтимъ кстати—всегда ненавистный образъ въ русскихъ народныхъ сказкахъ).

Преимущества Марфушки по красотѣ, способностямъ и характеру передъ двумя дочками мачихи, отражались однако съ каждымъ днемъ все рѣзче и рѣзче и довели наконецъ злую старуху до того, что она рѣшилась потребовать отъ мужа смерти своей дочери. Почтенный старикъ (опять-же озлобленный сказочный мужъ—весь кротость и смиреніе передъ сварливою бабою) подчиняется этому жестокому требованію. „Увези ты Марфушку къ жениху (говорила старуха), зовутъ его Морозъ Ивановичъ, а живеть онъ въ густомъ лѣсу подъ густою сосною—тамъ и оставь ее, пусть, моль, своего милаго дожидается!—Дочь заплакала, услыхавъ эти слова, а мачиха стала утѣшать ее, говоря: — „что ты, дура, слюни распустила! Вѣдь женихъ то красавецъ и богачъ! Смотри-ка сколько у него сребра: всѣ сосны, елки и березки этимъ серебромъ убраны, камнями самоцвѣтными усыпаны!“ Уѣхалъ старикъ, увѣзъ свою дочку и бросилъ въ глухомъ

лѣсу подъ густою сосною. Сидѣтъ тамъ бѣдная дѣвушка, плачетъ и жениха Мороза Ивановича удалило поджидаєтъ. А тотъ тутъ какъ тутъ къ ночи подобрался и ну къ дѣвицѣ ластиться, и неемъ серебрянымъ ее отряхивать.

„Тепло-ль тебѣ дѣвица, тепло-ль тебѣ красна?“

Поетъ ей Морозъ подъ самымъ ухомъ, а та, кроткая и покорная, отвѣчаетъ.

„И тепло Божіе и холодно Божіе“.

Это смиреніе трогаетъ сердце Мороза Ивановича — онъ сохраняетъ жизнь своей жертвы и на другой день утромъ, когда старикъ прѣѣзжаетъ за тѣломъ дочери, онъ находитъ ее мало того что живою, да еще снабженную отъ мороза новою шубою, дорогими подарками, ящикомъ золата, серебра, жемчугу и камней самоцвѣтныхъ.

Везутъ туда дочекъ—оказывается однако совершенно противоположное. Старухи дочки встрѣчаютъ Мороза насыпками и бранью и кончаютъ борьбу свою съ фантастическимъ женихомъ натурально смертью, а когда старуха на другой день, сидя у оконца, съ нетерпѣніемъ поджидаетъ возврата своихъ любимицъ, то посланный за ними старикъ привозитъ ей только „дочернія косточки“.

Вотъ наивное содержаніе этой сказки — вдохновенія нашего художника — за все остальное говорить самъ рисунокъ, который мы и предлагаемъ нашимъ читателямъ.

На рисункѣ нашего художника выражено все это весьма удачно, и слѣва, около дѣвушки, внимательнѣе взглянувъ, читатель увидитъ въ очертаніяхъ кустарника профиль добродушнаго дѣдушки Мороза...

Пѣсня спѣта.

(Рисун. на страниц. 156).

Бой былъ жестокъ въ этотъ хмурый, осенний день. Мечи звенѣли о тяжелыя латы, трескъ выстрѣловъ раздавался непреставая, и вдругъ, въ самый разгаръ боя, когда тяжелая кавалерія, торжествуя, съ громкими криками, бряцая оружіемъ, погнала передъ собою безпорядочную толпу разбитыхъ непріятельскихъ отрядовъ, вдругъ хлопьями повалилъ снѣгъ, глухо загудѣло топотомъ многочисленныхъ копытъ, заглушенными мелкимъ снѣжнымъ наисомъ. Вдали видны несущіеся всадники, а на первомъ планѣ стоятъ одинъ—несчастный молодой воинъ, отставшій отъ товарищѣй, которымъ не до него. Онъ смертельно раненъ, лицо его выражаетъ глубокое страданіе, въ сѣдлѣ онъ еще держится по привычкѣ, но вотъ-вотъ упадетъ... Конь его хранить вытянувъ шею... Передъ умирающимъ носятся картины его прежней жизни, его семья, родные... Но все кончено — „пѣсня спѣта“

Всадникъ въ костюмѣ временъ тридцатилѣтней войны, XVII вѣка — раненый воинъ, быть можетъ, одинъ изъ героевъ знаменитой люценской битвы, одинъ изъ воиновъ славнаго Густава Адольфа.

Граница Европы и Азіи. Памятникъ около Екатеринбурга.

(Рис. на стр. 157).

Въ 38-ми верстахъ отъ Екатеринбурга, не доѣзжалъ $1\frac{1}{2}$ верстъ до станціи Талицкой, на самой высокой точкѣ перевала изъ Европы въ Азію, имѣющей 1400 футовъ абсолютной высоты, воздвигнутъ теперь изъ мрамора памятникъ, въ воспоминаніе посѣщенія этого мѣста въ 1837 году Наслѣдникомъ Престола Александромъ Николаевичемъ, а въ 1845 году Герцогомъ Максимилианомъ Лейхтенбергскимъ. Посѣщеніе Сибири въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ, дѣйствительно составило самое отрадное событие для цѣлаго края. Юный наслѣдникъ престола изучалъ воочію интересную страну и входилъ во всѣ подробности ея устройства и быта. Особенно торжественно встрѣтили его Сибиряки въ Тюмени и Тобольскѣ, гдѣ донынѣ, какъ святыня, хранятся тѣ дома, гдѣ останавливался высокій Посѣтитель.

Въ Тюмени, кромѣ того, бережется въ мѣстномъ музеѣ, какъ драгоцѣнность, та шлюпка, въ которой Наслѣдникъ Престола катался по рѣкѣ Турѣ.

Изображеній на нашемъ рисункѣ памятникъ имѣть форму обелиска; онъ сдѣланъ изъ сѣраго уральскаго мрамора. На одной сторонѣ памятника, а именно западной, написано „Европа“, а на другой, восточной, „Азія“. На памятнике видна надпись: „Въ память высокаго посѣщенія этого мѣста Ихъ Императорскими Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ и Великимъ Княземъ Александромъ Николаевичемъ въ 1837 году и Герцогомъ Максимилианомъ Лейхтенбергскимъ въ 1845 году“. При проѣздѣ же черезъ Екатеринбургъ Его Высочества Великаго Князя Алексея Александровича, на памятникѣ, въ память этого события, явилась новая надпись, гласящая, что Великій Князь посѣтилъ это мѣсто 8-го июля 1873 года, возвращаясь изъ кругосвѣтнаго плаванія.

Фридрихъ Флотовъ.

12 (24) янв. внезапно скончался въ Дрезденѣ Фридрихъ Флотовъ, извѣстный композиторъ, авторъ „Страделлы“ и „Марты“. Ему было болѣе 70-ти лѣтъ отъ роду и его имя принадлежитъ къ извѣстѣйшимъ именамъ оперныхъ композиторовъ нашего времени, хотя изъ всѣхъ его произведеній только двѣ помянутыя оперы имѣли большой успѣхъ и входятъ въ составъ репертуара всѣхъ оперныхъ театровъ. Мелодія этихъ опер очень нравилась публикѣ и въ теченіе сорока лѣтъ пользовалась большою популярностью. Кому, напр., не извѣстенъ романѣс о розѣ изъ „Марты“? Фридрихъ Флотовъ — сынъ мекленбургскаго помѣщика, родился въ Тейтендорфѣ. Страсть къ музыкѣ заставила его отказаться отъ дипломатической карьеры, къ которой его предназначили его родители; онъ отправился въ Парижъ, гдѣ всецѣло предался изученію музыкального искусства. Французская веселость оказала большое влияніе на художественное развитіе Флотова и была немалою причиной какъ его успѣховъ, такъ и неудачъ. Послѣ юльской революціи Флотовъ написалъ цѣлый рядъ небольшихъ музы-

кальныхъ произведеній, которыхъ въ тридцатыхъ годахъ давались на различныхъ французскихъ сценахъ, но не имѣли продолжительного успѣха. За то его опера „Гибель фрегата Медузы“ очень понравилась парижанамъ и выдержала на сцѣнѣ театра „Renaissance“ 25 представлений, что очень много для того времени. Впослѣдствіи Флотовъ передѣлалъ эту оперу подъ названіемъ „Матросы“ для нѣмецкихъ сценъ, однако въ Германіи она не имѣла ни малѣшаго успѣха. Но извѣстность Флотовъ приобрѣлъ только операю „Страделла“, представленную въ первый разъ въ Гамбургѣ. Еще большій успѣхъ имѣла „Марта“, первое представление которой состоялось въ 1847 г. Опера эта въ сущности не болѣе какъ передѣлка представленной въ

началѣ сороковыхъ годовъ балета „Лэди Генріэтта“, музыка котораго была написана Флотовымъ. Послѣ революціи 1848 года Флотовъ возвратился въ Германію, гдѣ въ 1856 г. былъ назначенъ директоромъ придворнаго театра въ Шверинѣ, каковую должность онъ занималъ въ теченіи шести лѣтъ. Въ 1863 году Флотовъ опять переселился въ Парижъ. Здѣсь онъ написалъ двѣ оперы: „Индру“ и „Тѣн“. Послѣдняя, представленная въ первый разъ въ 1869 г., на сцѣнѣ „Opéra Comique“, пользовалась въ Парижѣ нѣкоторымъ успѣхомъ, по въ Германіи не имѣла успѣха. Послѣдніе годы Флотовъ проводилъ то въ своемъ имѣніи, близъ Вѣны, то въ Парижѣ, то въ Дармштадтѣ. За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, Флотовъ совсѣмъ ослѣпѣлъ.

Вновь открытая рыба — Эврифаринксъ.

(Рис. на стр. 161).

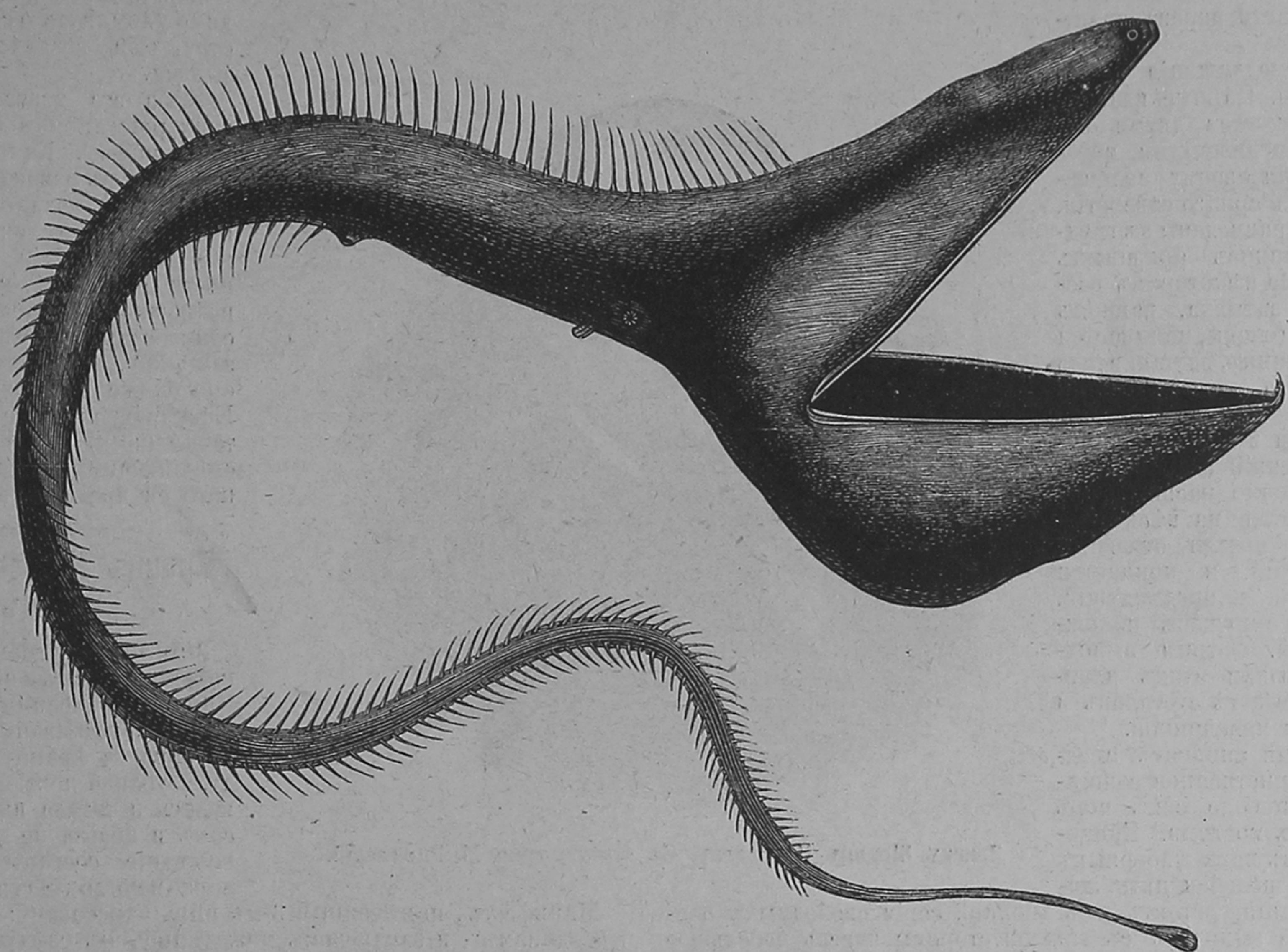
У береговъ Марокко, на глубинѣ 2,300 метровъ, (почти 7000 футовъ) найденъ экземпляръ рыбы, до сихъ поръ не попадавшійся. Животное это длиною около $10\frac{1}{2}$ верш. и вышиною въ самомъ высокомъ мѣстѣ около $1\frac{1}{2}$ верш., совершенно чернаго цвѣта. Все тѣло, съ громаднымъ аномальнымъ ртомъ, напоминаетъ тѣло Macrurus; оно начинаетъ правильно уменьшаться отъ передней четверти, въ томъ мѣстѣ, где замѣчается жаберное наружное отверстіе, и заканчивается остроконечно въ хвостовой части. Отверстіе для изверженій находится въ мѣстѣ соединенія передней трети съ двумя задними третями тѣла.

Странный видъ сообщается этой рыбѣ расположениемъ челюстей и устройствомъ рта. Хотя голова ея коротка, достигающая только до 2 верш., челюсти и мѣшечекъ чрезвычайно удлинены; при измѣреніи этотъ послѣдній оказался въ $2\frac{1}{4}$ верш. Изъ этого вытекаетъ, что суставный уголъ отодвинутъ далеко назадъ отъ конца носа, на разстояніе въ три съ половиною раза, превосходящее длину головы. Мѣшечекъ этотъ, насколько извѣстно, состоитъ изъ двухъ частей: одной основной, височной, другой наружной, образующей безъ сомнѣнія скелетную перепонку. Длинный и тонкій клинжалъ образуетъ верхнюю челюсть. На обѣихъ челюстяхъ слышны на ощупь мелкія зубные зерна; на крайнемъ концѣ нижней челюсти находятся два острыхъ, гдѣ видѣніе крючковъ, зуба.

Отверстіе рта громадно; оно ведетъ въ полость, объемъ которой еще поразительнѣе. Верхняя челюсть соединяется по бокамъ головы и передней части тѣла пакожной растяжимой складкой, допускающей сильное открываніе рта. Далѣе между челюстями находится подобная же перепонка, но еще болѣе растяжимая, заключающая, какъ это показало изслѣдованіе, большое количество эластическихъ фибръ въ связкахъ. Ротъ этой рыбы болѣе всего напоминаетъ зобъ пеликановъ. Вслѣдствіе расширенія рта и растяжимости перепонки, ротъ съ горломъ имѣть видъ воронки, продолженіе которой составляетъ тѣло

Композиторъ Ф. Флотовъ. † 12. (24. н. с.) Января. Съ фотогр. грав. Бараповскій.

Эврифаринксъ, вновь открытая рыба. Рис. Клементъ, грав. Флюгель.

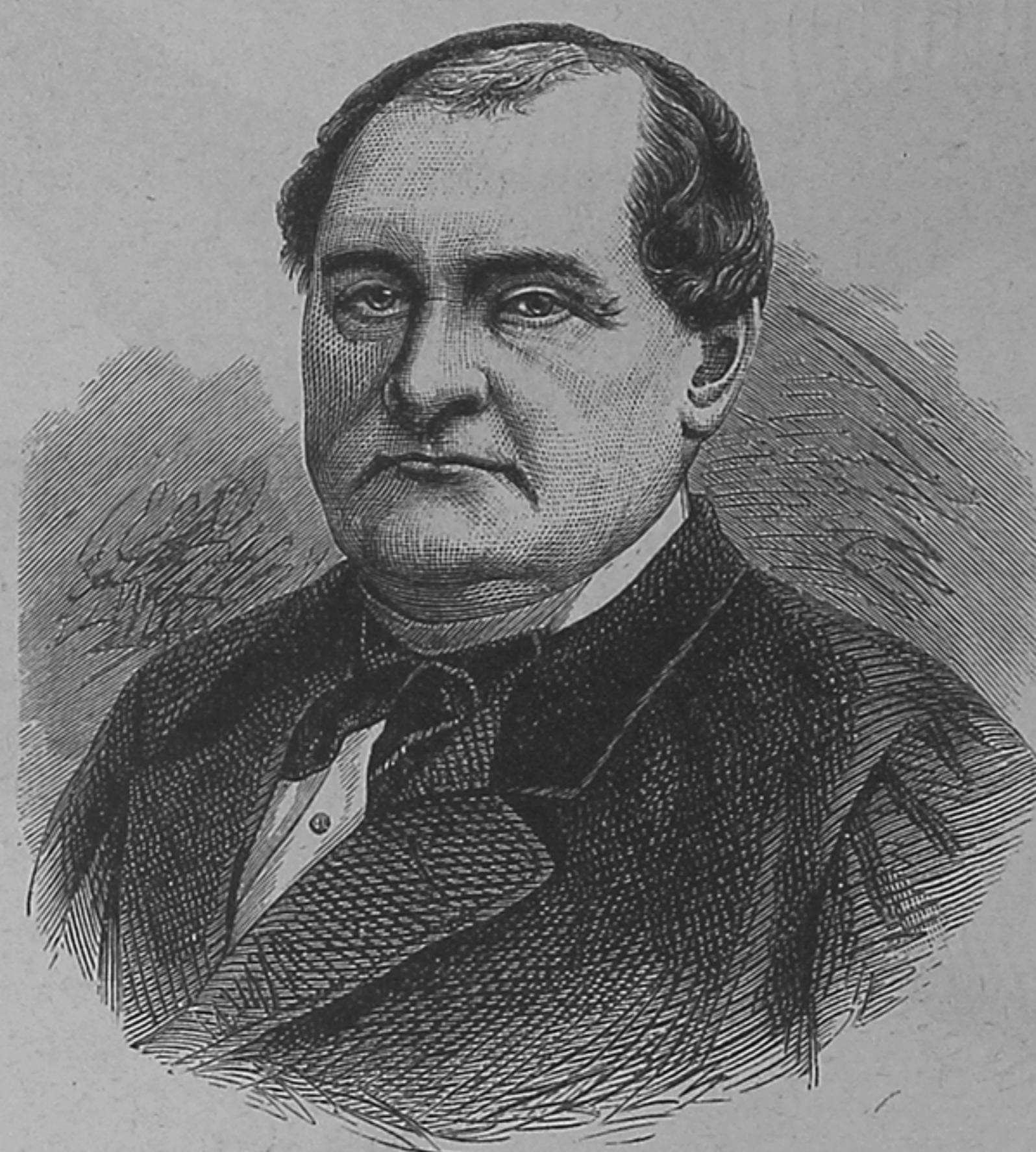

Типы сѣверныхъ построекъ: Крестьянская изба въ с. Чекшинѣ, Волог. губ., Кадниковск. уѣзда. Съ фот. Лаптева, грав. М. Рашевскій.

рыбы. Слѣдуетъ предположить, что пища собирается въ этомъ мѣшкѣ и отчасти переваривается въ немъ.

Органы передвиженія очень несовершены. Парные плавники ограничиваются двумя небольшими прибавленіями, которыя, благодаря своему положенію вблизи жабернаго отверстія, могутъ быть причислены къ груднымъ; плавниковъ брюшныхъ вовсе нѣтъ. На пѣкоторомъ разстояніи отъ затылка, равномъ почти длины головы, начинается спинной плавникъ, идущій вдоль всей спины, не достигая однако хвостового конца; онъ кончается на $1\frac{1}{2}$ или 2 верш. отъ послѣдняго. Нижній плавникъ, съ такимъ же точно расположениемъ, начинается на нѣсколько миллиметровъ позади отверстія для изверженій, и кончается тамъ же, где и предыдущій. Конецъ тѣла окруженъ накожной складкой. Острыя и подвижныя косточки этихъ плавниковъ не имѣютъ суставовъ и не соединены перепонкой.

Дыхательный аппаратъ представляетъ единственное сочетаніе, замѣченное до сихъ поръ въ рыбахъ съ костями. Насчитываются шесть паръ жаберныхъ внутреннихъ щелей и пять жаберъ. Послѣднія состоять изъ двойной серии свободныхъ пластинокъ. Вода выходитъ съ каждой стороны черезъ небольшое отверстіе, имѣющее видъ маленькаго закругленного просверленія, расположеннаго на уровнѣ окончанія перепончатой воронки рта. Ни подъязычныхъ принадлежностей, ни крышечныхъ частей не замѣчается вовсе.

Принцъ Жеромъ Наполеонъ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Не входя въ описание органовъ брюшной полости, необходимо упомянуть о совершенномъ отсутствии воздухоноснаго пузырька.

Рыба эта названа *Euguraguph pelecanoides* (т. е. пеликанообразный). Какое мѣсто займетъ оно въ разрядѣ ихтиологии? Объ этомъ трудно пока судить при отсутствіи точныхъ свѣдѣній объ анатоміи и въ особенности о скелѣтѣ, который нѣть возможности изслѣдовать по единственному имѣющемуся экземпляру. Во всякомъ случаѣ она ближе всего подходитъ къ *Euguraghuph*, и ее можно считать типомъ новой семьи, представляющимъ пока единственнаго ея представителя.

Принцъ Жеромъ Наполеонъ.

3-го января утромъ, появились на всѣхъ углахъ и перекресткахъ Парижа наклеенные разноцвѣтные листы воззванія принца Наполеона къ французскому народу. Публика повсюду останавливалаась и читала ихъ съ интересомъ и нельзя не признать, что воззваніе составлено довольно ловко и могло дѣйствовать на умы.

Манифестъ, помѣченный 3-мъ янв., адресованъ: „Моимъ согражданамъ“, и заключаетъ между прочимъ слѣдующее:

„Франція чахнетъ. Изъ числа страждущихъ нѣкоторые волнуются. Большинство націи разочаровано. Не довѣряя настоящему, она какъ бы ждетъ будущаго, достижение котораго возможно лишь цѣною мужественной рѣшимости. Исполнительная власть разслаблена,

Типы сѣверныхъ построекъ: Крестьянская изба въ с. Лысцевѣ, на Архангельскомъ трактѣ, Кадниковскаго уѣзда.
Съ фот. Лаптева, грав. М. Рашевскій.

неспособна и беспомощна. Палаты являются судомъ безъ руля и безъ вѣтриль. Партия власть имѣющихъ попираетъ, ради удовлетворенія самыхъ низкихъ страстей, собственные свои руководящіе принципы. Народное представительство разбилось на безчисленное множество фракцій. Бразды правленія послѣдовательно переходили къ реакціонерамъ, умѣреннымъ республиканцамъ и радикаламъ. Всѣ одинаково потерпѣли неудачу. Вамъ обѣщали республику, которая исцѣлитъ раны Франціи и произведетъ необходимыя реформы. Обѣщаніе это было лживое. Передъ вами, разъ за разомъ, совершаются кризисы, затрагивающіе главу государства, министровъ и палаты. Двѣнадцать уже лѣтъ производится у насъ опытъ примѣненія парламентской республики. Опытъ этотъ привелъ уже къ достаточно яснымъ результатамъ. У васъ нѣть правительства. Корень зла въ нашей конституціи, предающей Францію на произволъ восьмисотъ сенаторовъ и депутатовъ. Были ошибки въ прошломъ. Къ чему отягчать ихъ еще болѣе и не пользоваться пережитыми уроками? Основа нашего величія и безопасности, наша армія, стала игралщикомъ профановъ въ военномъ дѣлѣ. Десять лѣтъ уже толкуютъ они обѣ ея переустройствѣ и до сихъ поръ, послѣ разнохарактерныхъ попытокъ и колебаній, способныхъ только подорвать воинскій духъ въ арміи, не выработали еще удовлетворительного закона о воинской повинности. Администрація дискредитована. Должностныя лица являются рабами самыхъ мелочныхъ избирательныхъ интересовъ. Эксплуатировать страну не значитъ еще управлять ею. Наслѣдникъ Наполеона I-го и Наполеона III-го, я единственный человѣкъ на землѣ, носящий имя, за которое подано 7.300.000 головъ. Послѣ кончины сына императора, я хранилъ молчаніе по политическимъ вопросамъ. Не желая препятствовать производившемуся опыту, я съ прискорбіемъ ждалъ, что обстоятельства вынудятъ меня раскрыть уста. Мое молчаніе было, впрочемъ, лишь патротическими выраженіемъ искренняго сознанія, что Франція нуждается прежде всего въ спокойствіи. Мой образъ дѣйствій, мои утвержденія и чувства систематически служили пишущему клеветы. Я отвѣчалъ однимъ лишь презрительнымъ молчаніемъ даже и на старанія возбудить противъ меня моихъ сыновей. Эти омерзительныя старанія остались тщетными. Мне приходилось сдерживать порывы негодованія юныхъ сердецъ, возмущенныхъ такими недостойными подстрекательствами. Я хотѣлъ одинъ бороться противъ враговъ. Сыновья мои пока еще чужды политики. Естественный порядокъ вещей призоветъ ихъ заступить современемъ отвѣтственный мой постъ, и они пребудутъ вѣрными истиннымъ традиціямъ наполеоновской династіи. Отреченіе немыслимо. Отреченіе отъ поста, представляющаго менѣе правъ, чѣмъ обязанностей, было бы нарушеніемъ долга".

Этотъ манифестъ принца былъ составленъ и отпечатанъ въ такой глубокой тайнѣ, что полиція республики ничего не знала и полицейскіе, не имѣя на этотъ счетъ никакихъ распоряженій, сами читали это воззваніе вѣтъ съ другими, какъ курьезъ. Въ первую минуту даже приняли это за мистификацію, а никакъ не за такое произведеніе, за которое нѣсколько часовъ спустя авторъ его былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму. Противъ дома въ улицѣ Д'Антенъ, гдѣ живетъ принцъ, онъ былъ остановленъ въ 2 часа пополудни, когда ѿхалъ домой въ каретѣ, возвращаясь съ прогулки, которую принцъ всегда имѣетъ обыкновеніе совершать послѣ завтрака. Принцъ принялъ на себя отвѣтственность по дѣлу манифеста. Полчаса спустя принцъ въ фіакрѣ отправился съ агентомъ полиціи въ тюрьму Консьєржери, гдѣ и былъ заключенъ въ одно изъ помѣщеній, находящихся въ башнѣ, называемой "Денежной башнею". Комната, гдѣ находится принцъ, высока и обширна, со сводами. Широкая постель, стулья, столъ съ книгами, большое зеркало—вотъ все убранство комнаты. Тутъ-же стоитъ въ сторонѣ постель для камердинера принца. Окна снаружи загорожены рѣшетками, чтобы помѣшать возможности бѣгства принца. Вообще республиканское правительство видимо было озабочено этимъ эпизодомъ и въ палатѣ депутатъ Флоке поднялъ даже весьма странный въ республикѣ вопросъ о высылкѣ вообще всѣхъ принцевъ изъ Франціи, хотя бы ни въ чёмъ не обвиняемыхъ и неповинныхъ, и лишениіи ихъ пріобрѣтенныхъ на службѣ чиновъ и званій. Такъ относятся къ вопросу о свободѣ и безопасности личности своихъ согражданъ республиканское депутаты! Однако и въ палатѣ многие возстали противъ такого безцеремоннаго предложенія, а министры военный и морской представили всю невозможность подобнаго образа дѣйствій, могущаго возбудить справедливое негодованіе въ арміи и флотѣ.

Оба министра подали въ отставку, не желая поддерживать

такаго закона. Долго искали замѣстителей и наконецъ нашли—но какого? Это былъ генераль Тибоденъ, взятый въ 1870 году въ плѣнъ нѣмцами и отпущеній ими на честное слово, котораго не исполнилъ, принявъ тогда же назначеніе отъ Гамбетты.

Здѣсь мы помѣщаемъ портретъ принца. Наполеонъ Жеромъ Бонапартъ, сынъ короля Вестфальскаго Жерома, родился въ 1822 году; воспитывался онъ въ пансионѣ въ Женевѣ и потомъ въ Луисбургской военной школѣ. Въ 1840 году онъ путешествовалъ по Европѣ и въ 1845 году получилъ дозволеніе жить во Франціи. Но затѣмъ правительство Луи Филиппа выслало его вслѣдствіе его связей съ демократами. Послѣ революціи 24-го февраля онъ былъ избранъ въ члены учредительного собранія. Въ 1849 г. онъ назначенъ былъ представителемъ Франціи въ Испаніи. Удалившись въ частную жизнь, послѣ переворота 2-го Декабря, въ 1852 году онъ былъ назначенъ наследникомъ престола, получилъ титулъ французского принца и занялъ мѣсто въ Сенатѣ и Государственномъ Совѣтѣ. Командуя дивизіею въ крымскую кампанію, принцъ не выказалъ военныхъ дарованій, а рѣчи его были таковы, что вызвали неудовольствие Императора Наполеона III и принцъ отказался отъ всѣхъ своихъ должностей. Черезъ полгода послѣ смерти Наполеона III, принцъ получилъ дозволеніе вернуться; въ 1876 году былъ избранъ въ Палату представителемъ Аяччо, но потерпѣлъ пораженіе и съ тѣхъ поръ жилъ въ сторонѣ и лишь послѣ смерти императорскаго принца выступилъ въ качествѣ главы бонапартизма. Человѣкъ умный и начитанный, не лишенный и ораторскаго таланта, онъ, тѣмъ не менѣе, не считается даже бонапартистами пригоднымъ въ качествѣ главы партіи. Отъ брака съ принцессы Клотильдой (дочь Виктора Эммануила, кор. Италии) онъ имѣть двухъ сыновей—Виктора (род. 1862) и Жозефа (род. 1864) и дочь Марию (род. 1866). Въ настоящее время принцъ уже отпущенъ на свободу и уѣхалъ въ Англію.

Типы сѣверныхъ построекъ.

(Рис. на стр. 161 и 162).

Уроженца средней или черноземной полосы непремѣнно должны поразить типъ сѣверной постройки, который въ особенно чистомъ несмѣшанномъ видѣ сохранился на лѣсистой Вагѣ и Двинѣ въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ. И неспециалистъ тутъ можетъ ясно видѣть, въ какомъ неиспорченномъ еще видѣ сохранились у нихъ старинные архитектурные приемы.

Здѣсь мы представляемъ рисунки двухъ избъ, снятыхъ съ фотографіи; одну—села Чекшина, Двиницкой волости; другую—деревни Лысцева на Архангельскомъ трактѣ (Кадниковскаго уѣзда). Избы въ 4, 5, 6 и болѣе оконъ, двухъ-этажная, вѣдьма весьма не рѣдки при сравнительной дешевизнѣ лѣса и строятся весьма своеобразно. Обыкновенно двухъ-этажная изба имѣеть съ боку крытый широкій бревенчатый вѣзѣздъ, который ведетъ во второй этажъ къ широкимъ воротамъ въ обширную высокію сѣни, въ которыхъ стоятъ сани, телѣги, земледѣльческія орудія, тутъ же иногда сѣно, дрова, подъ сѣнями помѣщѣніе для скота и т. п. Отсутствіе тѣсныхъ дворовъ, разстоянія между избами, деревянныя крыши, печи сбитыя вѣдѣ изъ глины съ кирпичными подами—все это способствуетъ тому, что здѣсь пожары сравнительно рѣже и не такъ опустошительны, какъ въ тонкостѣнномъ, плетневомъ, съ соломенными кровлями, сбитомъ въ кучу, черноземномъ селѣ, которое горитъ какъ свѣчка. Особенную красоту придаютъ избѣ крутыя высокія или широкія крыльца, съ точеными столбиками и перильцами—крылья высокими остроугольниками, полубочечными и бочечными крышами на старыхъ избахъ—рѣзанными въ чешую, и яркая и оригинальная раскраска по подзорамъ, конькамъ, наличникамъ крыши полотенцами. Часто попадаются подробности, рисунки, узоры, очертанія крышъ, напоминающія подробности напр. царскаго Коломенскаго дворца. Красныя окна—самая разукрашенная часть фасада—отдѣлываются кромѣ ставенья особенно тщательно на „очельѣ“—это высокій фризъ съ желобчатыми украшеніями и легкимъ вѣчающимъ его карнизикомъ, рѣзнымъ или съ украшеніями. Балкончики подъ крышами также раскрашенные—такой балкончикъ виденъ подъ крышей Лысцевской избы. Окна, такія какъ въ этой избѣ—рамы выкрашенныя просто бѣлой краской—это уже болѣе близкая къ нашему времени манера. Но чѣмъ выше поднимаешься по Двинѣ, тѣмъ типъ избы красивѣе и древнѣе, также и старыхъ церквей и часовенъ.

Политическое обозрѣніе.

Манифестъ о коронаціи.—Конференція по Дунайскому вопросу.—Черногорія.—Германія.—Франція.

Россія—наканунѣ великаго торжества: нашъ молодой Царь вскорѣ пріемлетъ Святое помазаніе на царство, вскорѣ возложитъ на Себя корону.—Высочайшимъ манифестомъ отъ 24-го января, Государь Императоръ соизволилъ объявить свою волю о томъ, что священное коронованіе должно состояться совершившися въ первопрестольной столицѣ Москвѣ, въ маѣ мѣсяцѣ. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ давно уже идутъ къ тому приготовленія; здѣсь—работаютъ специальная комиссія, подготавлиющая все необходимое для надлежащаго благолѣпія великаго торжества, а тамъ,

въ первопрестольной, кипитъ работа уже исполнительная; говорятъ о заказахъ Хлѣбникову на 150,000 р. серебряной посуды, о великолѣпныхъ праздникахъ на 6 тысячъ приглашенныхъ, о роскошныхъ золотыхъ каретахъ, о лукullовскомъ, въ своемъ родѣ, цирѣ, ожидающемъ народъ на Ходынскомъ полѣ, о необычайно-блестательной иллюминациі. Давно уже ходили слухи о коронаціи, въ обществѣ, въ народѣ, не разъ даже называли и мѣсяцы, и числа; слухи эти были не что иное, какъ проявление завѣтнаго желанія вѣрноподданного народа, видѣть скорѣе вѣнчаніемъ Того, съ Кемъ онъ привыкъ жить единую и неразрывною жизнью: вся кому хотѣлось скорѣе это-

го „своего“ праздника. Но вполне понятны и причины, его отлагавшія:

„Богу было угодно призвать Насъ на Прародительский Все-рussий Престолъ и нераздѣльные съ нимъ Престолы Царства Польского и Великаго Княжества Финляндскаго въ минуту страшнаго потрясенія—сказано въ Манифестѣ.—Посреди тяжкихъ ощущеній скорби и ужаса, которыми объяты были, вмѣстѣ съ Нами, сердца вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, не-благовременно было назначать и устроить торжество коронованія. Смиряясь предъ неисповѣдимыми судьбами Провидѣнія и Наказанія Господня, Мы положили въ сердцѣ Своемъ не преступать къ сему священному дѣйствію, доколѣ не успокоится чувство, возмущенное страшнымъ злодѣяніемъ, жертвою коего палъ Благодѣтель Своего народа, возлюбленный Нашъ Родитель. Нынѣ настаетъ уже сотворить волю Господню и совершилъ завѣтное желаніе Наше и всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества. По примѣру благочестивыхъ государей, предковъ Нашихъ, вознамѣрились Мы возложить на Себя корону и воспріять, по установленному чину, святое Миропомазаніе, пріобщивъ къ сему дѣйствію и Любезнѣйшую Супругу Нашу, Государыню Императрицу Марию Феодоровну. Возвѣщаю о таковомъ намѣреніи Нашемъ, должностную, при помощи Божіей, совершившись въ маѣ мѣсяцѣ сего года, въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, призываю всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ соединиться съ Нами въ горячей и смиренной молитвѣ: да соплюдетъ Господь Вседержитель Насъ и Царство Наше въ мирѣ и безопасности; да излечитъ на Насъ Духа премудрости и разума; да поможетъ Намъ, съ возложеніемъ Царскаго вѣнца приснопамятныхъ предковъ, исполнить вѣрно принятый Нами обѣтъ—всего Себя посвятить благоденствію и славѣ возлюбленного отечества, служенію правдѣ и попеченію о благѣ народа, Богомъ вѣренного Нашему правленію“.

Какъ солнечный лучъ разгоняетъ тучи въ пасмурный день, такъ радостное благовѣстіе о великомуѣ празднику Russкой земли гонитъ отъ насъ и тяжелая сомнѣнія, и мрачныя мысли, и страхъ неизвѣстности! Прочь все это! Кто и что можетъ задержать торжественное шествіе Помазанника Божія, Бѣлага Russкаго Царя и Его вѣрнаго народа, къ благоденствію и славѣ Имѣ ведомаго.

Повсюду, не только въ Россіи, но и за границей, манифестъ произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе, которое, несомнѣнно, отзовется, во многомъ, и благопріятными послѣдствіями для насъ.

Лондонская конференція по Дунайскому вопросу открыла свои засѣданія, подъ предсѣдательствомъ лорда Грэнвилля; присутствуютъ посланники Франціи, Россіи, Италии, Германіи и специальные делегаты; турецкій посланникъ, Мусурис-Паша, не принимавшій участія до полученія особыхъ инструкцій, теперь вошелъ въ составъ комиссіи, такъ какъ инструкціи эти уже пришли; Румынія и Сербія допущены только въ качествѣ соѣзжательныхъ членовъ, а о Болгаріи не слышно, пока, ни слова,—интересно было бы знать—сдѣлано ли это въ угоду Турціи, которая ни за что не желала допущенія княжества? Мы и въ прошлый разъ выражали удивленіе даже возможности не-

допущенія Болгаріи въ обсужденіе этого вопроса. Румынія, показавшая себя и раньше храброю въ отстаиваніи своихъ интересовъ, прямо высказываетъ неудовольствіе теперь; румынское правительство поручило своему посланнику, князю Гикѣ, что въ виду такого рѣшенія относительно Румыніи, она не можетъ признать за постановленіями конференціи обязательной силы.

Черногорцы не могутъ развязаться ни съ Турцией, ни съ албанцами; правительство князя Николая обратилось къ великимъ державамъ съ нотой, въ которой заявляетъ о недѣйствительности конвенціи, заключенной въ Цетинѣ съ Портой; въ нотѣ объявлено также, что Черногорія займетъ Матагощь и Владую и—прерываетъ непосредственныя сношения съ Портой; положеніе черногорцевъ, ожидающихъ съ 1878 года и требующихъ своего у Порты, которая, вмѣсто того, предлагаетъ имъ свои „переговоры“—понятно! Албанцы все еще показываютъ когти черногорцамъ и неизвѣстно—когда же все это придется въ порядокъ. Ушедшие въ Черногорію усташа просятъ о принятіи ихъ въ подданство княжества.

Князь Бисмаркъ выздоровѣлъ и уже былъ у императора для совѣщаній по дѣламъ; его проектъ утвержденія бюджета на два года впередъ—что придало бы болѣе прочности центральной власти—не прошелъ,рейхстагъ отвергъ его и теперь очередь за другимъ столкновеніемъ: правительство вошло съ проектомъ о пенсіяхъ офицерамъ и объ избавленіи ихъ отъ платежа нѣкоторыхъ сборовъ, но въ парламентѣ мало сочувствуютъ этому, и министръ Камеке, сильно настаивающій на проектѣ, грозитъ выйти въ отставку. Хотя папа не написалъ прямаго отвѣта на письмо императора (онъ поздравилъ только наслѣднаго принца по случаю празднованія серебряной свадьбы его высочества,—поздравленія продолжаютъ приходить отовсюду), но, тѣмъ не менѣе, переговоры о церковно-политическомъ вопросѣ, какъ кажется, закончены: Пруссія упраздняетъ судъ для разсмотрѣнія церковныхъ дѣлъ и вызываетъ смиренныхъ епископовъ, за изыятіемъ Ледоховскаго, обратно на мѣста; курія признаетъ себя обязанною заявлять о дѣламъ ею назначеніяхъ духовныхъ лицъ и соглашается на то, чтобы замѣщеніе познанской епископской кафедры производилось не иначе, какъ по соглашенію между Ватиканомъ и прусскимъ правительствомъ.

Проектъ закона противъ претендентовъ перешелъ въ сенатъ и тамъ онъ вовсе не встрѣтилъ такого ласковаго приема, какъ въ палатѣ депутатовъ; значительная часть, если не большинство сената высказывается не въ пользу исключительного закона, а предлагаетъ общій, направленный противъ всякаго, кто бы нарушилъ безопасность республики; теперь оказывается, что ретивые противники принцевъ всего болѣе имѣли въ виду принцевъ Орлеанскаго дома, а изъ этого можно видѣть, что Орлеаны имѣютъ много шансовъ; настроение въ сенатѣ настолько противоположно цѣлямъ министерства Фальера, что оно, говорятъ, уже желаетъ подавать въ отставку; Грэви уже, будто бы, предлагалъ составленіе нового Ферри, который отказался, и Фрейсинѣ, который, можетъ быть, не откажется. Принцъ Наполеонъ освобожденъ и отъ заключенія, и отъ суда, и уѣзжаетъ въ Англію.

СМѢСЬ.

О японской женщинѣ. Дома японка-жена бываетъ полною распорядительницей и госпожей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она—же и первая служанка своего мужа, и только тогда, если она настолько ловка и способна, что сумѣеть понравиться и угодить мужу, она можетъ разсчитывать на пожизненное пребываніе въ его домѣ. Судьба японки зависитъ отъ многихъ случайностей. Если даже мужъ признаетъ ея хорошія качества и захочетъ удержать ее при себѣ на всегда, то и тогда она можетъ встрѣтить противниковъ этому намѣренію въ родителяхъ мужа или его родственникахъ, не дающихъ ей покоя разными присками и вооружающихъ противъ нея мужа, и заставляющихъ его прогнать жену. Въ послѣднемъ случаѣ, японка безропотно оставляетъ мужа и дѣтей и уходитъ. Если она еще довольно молода, она старается выйтіи еще замужъ, но и второй бракъ можетъ оказаться настолько-же неудачнымъ.

Браки заключаются очень просто. вся брачная церемонія состоить въ томъ, что женихъ и невѣста, празднично разодѣтые, отправляются въ домъ жениха и тамъ въ присутствіи родныхъ и сватовъ выпиваютъ чашку рисового вина. Если невѣста богата, то обыкновенно женихъ выбирается ея родными. По японскимъ законамъ, состояніе не переходитъ къ женѣ, а попадаетъ въ руки зятя. Если женѣ посчастливится и родители ея проживуть столько времени, что она успѣтъ пріобрѣсти прочное положеніе въ домѣ, тогда она можетъ быть покойна на старость, но если родители умираютъ рано, то нерѣдко она подвергается той-же участіи, что и бѣднѣйшая жена, и прогоняется мужемъ.

Такъ поступаетъ не только простой народъ, но и высшіе классы. Дворяне или самураи, которые все еще съ гордостью называютъ себя этимъ именемъ, несмотря на сокращеніе ихъ правъ, также равнодушно отпускаютъ мать своихъ дѣтей, какъ и послѣдній кули. Исключение составляютъ только члены императорскаго семейства и прежніе князья или даймьосы. Эти послѣдніе номинально всегда сохраняютъ жену при себѣ. Но за то съ первыхъ дней брака они

держать, такъ называемыхъ, вторыхъ женъ. Даже самъ Микадо держитъ такихъ „дворцовыхъ дамъ“, которыхъ обыкновенно зовутся *naiishi*, и число которыхъ доходитъ до двѣнадцати. Даимьосы имѣютъ по шести такихъ вторыхъ женъ. Наши знатныхъ лицъ избираются изъ хорошихъ семействъ, исключение дѣлается только для простыхъ дѣвушекъ, отличающихся необыкновенными достоинствами и красотою. Вообще каждый японецъ пользуется правомъ имѣть вторыхъ женъ, если только у него есть средства, и дѣти этихъ послѣднихъ считаются законными, и, въ случаѣ неимѣнія дѣтей отъ первой жены, они вступаютъ въ права наследства.

При этихъ темныхъ сторонахъ японскихъ супружествъ, кажется удивительнымъ, что часто говорятъ объ извѣстномъ вліяніи старыхъ женъ и матерей. Но положеніе такихъ женщинъ, которыхъ провели свою молодость въ безропотномъ пассивномъ подчиненіи, по мѣрѣ того какъ подростаютъ ихъ дѣти, становится совершенно прочнымъ, и женщина въ Японіи пользуется дѣйствительно гораздо большимъ вліяніемъ въ старости, чѣмъ въ лучшіе свои молодые годы. Этому способствуетъ еще безграницная, трогательная любовь дѣтей къ родителямъ и въ особенности къ матери.

Со смертью мужа, жена приносить ему въ жертву лучшее свое украшеніе— волосы. Она обрѣзаетъ ихъ коротко и никогда болѣе не украшаетъ голову. Обычай этотъ тѣмъ болѣе замѣчательенъ, что, какъ извѣстно, японки очень тщательно причесываются и украшаются въ молодости голову—цвѣтами, блестками и шелками. Знатныя дамы, даже княгини во время вдовства носятъ обыкновенно маленькую косичку, перевязанную бумажкой.

Табакъ ромашка. Употребленіе цвѣтовъ ромашки для подмѣшиванія къ курительному табаку, было не такъ давно открыто въ Англіи въ то самое время, когда дѣлались приготовленія къ огромнѣму мошенничеству въ этомъ родѣ. Чуткіе водной вытяжки, цвѣты эти лишаются ихъ горькой составной части, подкрашиваются, подслащаются и сушатся, послѣ чего становятся совершенно год-

ными для подмыванія къ табаку. Составъ, продававшійся тамъ-же подъ названіемъ „новой курительной смѣси“, найденъ быль, при ближайшемъ изслѣдованіи, заключающимъ въ себѣ одну треть табака и двѣ трети цвѣтковъ ромашки.

Сырость и дифтеритъ. Мнѣніе о тѣсной связи между дифтеритомъ и сыростью мѣстоположенія подтвердилось нѣкоторыми данными, собранными въ Англіи г. Вудфордомъ. Дифтеритная эпидемія, свирѣпствовавшая въ Шорлэй въ 1878 году, началась первоначально въ домѣ, прикрытомъ окружавшими его деревьями, который хотя и былъ чистъ, но въ тоже время сыръ и недостаточно хорошо провѣтривался, особенно спальни; при этомъ вокругъ него распространялись испаренія отъ помойныхъ ямъ, а вода, потребляемая обитателями, далеко не отличалась чистотою. Въ Ремсбюри, гдѣ въ 1877 и 1878 годахъ дифтеритъ свирѣпствовалъ съ необыкновенной силой, обычныя санитарныя условія не были хуже, чѣмъ въ другихъ деревняхъ, но зато мѣстоположеніе нѣкоторыхъ ея домиковъ отличалось особенной сыростью отъ близости рѣки и почвенной воды, выступавшей на поверхность. Въ Клифтонъ-Гампденѣ, гдѣ дифтеритъ появлялся нѣсколько лѣтъ сряду, замѣчались обычные санитарные недостатки, но даже въ меньшей степени, чѣмъ въ другихъ деревняхъ, гдѣ дифтерита не было; но деревня эта опять-таки оказалась, во-первыхъ, сырой, а во-вторыхъ, вслѣдствіе большихъ деревьевъ вокругъ домовъ, самый воздухъ какъ-бы застанивался. Были сдѣланы тогда санитарныя улучшенія, деревья были разрѣжены, вѣтерокъ зашевелилъ остальныя и съ тѣхъ поръ болѣзнь не возобновлялась въ этомъ мѣстѣ.

Британская армія состояла къ 1-му января 1882 г. изъ 189,131 человѣкъ регулярного войска; въ началѣ 1881 г. въ ней числилось 188,958 человѣкъ, а въ началѣ 1880 г. — 191,804. Изъ рекрутовъ, зачисленныхъ въ 1881 г. въ регулярную армію, 14,419 были моложе, а 11,761 старше 20 лѣтъ. 996 человѣкъ дезертировали послѣ трехмѣсячной службы. Въ 1881 году дезертировъ было 4,412, изъ которыхъ 1,353 возвратились къ знаменамъ.

Шварцвальдскіе часы. Производство этихъ часовъ сосредоточено главнымъ образомъ въ Диттилаузенѣ, Эйзенахѣ, Фюртвангенѣ, Св. Георгіѣ, Ленцѣ-Кархѣ, Невштадтѣ, Фробергѣ, Виллингенѣ и Роренбахѣ; въ прежнее время, оно составляло чисто домашнее занятіе, кормившее множество семействъ, и лишь какихъ нибудь тридцать пять лѣтъ назадъ вытѣснено дѣйствующими теперь обширными фабrikами. Въ Ленцѣ-Кархѣ выдѣлываются преимущественно „парижскіе часы“, называемые такъ потому, что цинкъ, служащий материаломъ ихъ корпуса, доставляется изъ Парижа. Шварцвальдскія фабрики производятъ часы съ гирями и безъ гирь, съ полусуточнымъ, суточнымъ, недѣльнымъ, двухнедѣльнымъ и даже мѣсячнымъ заводомъ, башенные, регуляторы, судовые, и съ фигурами, изъ которыхъ наиболѣе распространены кукушка и трубачъ. Всѣхъ часовыхъ фабрикъ въ Шварцвальдѣ — 1,429, съ 7,525 рабочими; если же къ послѣдней цифрѣ прибавить женщинъ и дѣтей, занятыхъ мелкою работою, то общее число лицъ, существующихъ этимъ дѣломъ, достигаетъ 13,000, изъ рукъ которыхъ выходитъ ежегодно до 1,800,000 штукъ часовъ (между ними — 100,000 хронометровъ), на сумму 10 миллионовъ фlorиновъ, т. е. 25 миллионовъ франковъ. Наиболѣе серьезною отраслью шварцвальдской промышленности безспорно является производство часовъ съ автоматами и съ музыкою, изъ которыхъ самые крупные извѣстны подъ именемъ „часовъ-оркестровъ“.

Въ Питтсбургѣ, въ Пенсильвaniи, одинъ изъ обывателей шесть разъ въ жизни становился богачемъ и пять разъ терялъ свое богатство въ разныхъ спекуляціяхъ. Въ то время, какъ въ странахъ, производящихъ минеральное масло, возникла лихорадочная страсть къ торговлѣ петролеумомъ, онъ былъ простымъ прикащикомъ и получалъ не болѣе 500 долл. въ годъ. Безъ копѣйки въ карманѣ, онъ отправился въ мѣстности, гдѣ были открыты источники минерального масла, познакомился съ однимъ счастливымъ спекуляторомъ, который сдѣлалъ его своимъ компаньономъ, и въ нѣсколько мѣсяцевъ приобрѣлъ два съ половиной миллиона долл. По прошествіи года, пустившись въ рискованный предпріятія, онъ потерялъ все свое состояніе. Оставшись съ двумя-тремя тысячами долларовъ, онъ началъ небольшую торговлю, которая была такъ успѣшна, что въ короткое время нашъ янки снова разбогатѣлъ, и спустя два года былъ уже миллионеромъ. Онъ снова потерялъ все нажитое и впалъ въ такую нищету, что принужденъ былъ поденнымъ трудомъ зарабатывать себѣ насущный хлѣбъ. Затѣмъ счастье улыбалось ему еще три раза и снова оставляло его. Наконецъ, онъ владѣть нынѣ капиталомъ въ два миллиона долларовъ. Но онъ такъ привыкъ къ

превратностямъ судьбы, что никакъ не страшится опять потерять все, въ твердой уверенности, что счастье не замедлитъ улынуться ему снова.

Частичное разложение большой кометы. Въ „Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ“ пишутъ, отъ 9-го декабря: „Мы уже неоднократно сообщали о видимой въ утреннѣе часы большой кометѣ, а также о томъ, что д-ръ Шмидтъ въ Аениахѣ открылъ 8-го октября вблизи ея туманную массу странной формы, движущуюся почти по тому-же направлению, какъ и главная комета. Теперь сообщаютъ изъ Сѣверной Америки, что тамъ открыто много другихъ подобныхъ-же массъ вблизи кометы. Бернардъ въ Нашвиллѣ нашелъ около полудюжины небольшихъ туманныхъ массъ въ разстояніи 8 градусовъ отъ главной кометы; они были видимы лишь однажды вечеромъ и затѣмъ исчезли. 21-го октября, въ 5 час. утра, В. Р. Бруксъ въ Фельпѣ нашелъ часть кометы въ нѣсколькоихъ градусахъ къ востоку отъ главной ея массы. Она была видима и на другой день, но съ большимъ трудомъ. Эти наблюденія показываютъ, что большая комета испытала вблизи солнца частичное разложение или распаденіе, вслѣдствіе притяженія солнца или вслѣдствіе чрезвычайного жара, которому она подвергалась вблизи солнца.“

Исполнительный совѣтъ южно-англійскихъ рабочихъ товариществъ обратился къ Гладстону съ ходатайствомъ о немедленномъ возобновленіи работы по прорыту Ламаншского туннеля, преимущественно въ интересахъ самихъ-же рабочихъ, находящихся безъ дѣла. Гладстонъ поручилъ отвѣтить уполномоченнымъ отъ товариществъ, что этотъ вопросъ будетъ подвергнутъ основательному обсужденію въ ближайшую парламентскую сессію. Относительно прорытия Арлберга (горный хребеть, отдѣляющій рейнскій отъ дунайскаго бассейна и прорѣзывающій Тироль) имѣются слѣдующія извѣстія: работы, сверхъ всякаго ожиданія, безпрерывно подвигаются (на 10 метровъ или 14 аршинъ въ день); съ наступлениемъ нового года, оставалось прорыть только 3,468 метровъ (1,625 сажень), что позволяетъ разсчитывать на совершенно окончаніе работы къ веснѣ 1884 года.

Санитарная реформа во Франціи. При французскомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ предполагается образовать особое управление по народному здравію. Эта реформа, необходимость которой указана въ минувшемъ году Ліонвиллемъ, въ его докладѣ по бюджету министерства, требовалась всѣми гигієническими конгрессами и уже осуществлена на нѣкоторыхъ государствахъ. Въ вѣдѣніе новаго управления должны войти всѣ дѣла по народной гигіенѣ и врачебной помощи, раздѣленный теперь между министерствами торговли и внутреннихъ дѣлъ.

Образецъ стариннаго этикета. Г-жа де-Жанлисъ сообщаетъ въ своихъ мемуарахъ слѣдующія интересныя подробности о происхожденіи кушетокъ: „Когда французскій король посыпалъ по случаю болѣзни, какого либо дворянина, государственного чиновника или другаго сановника, то рядомъ съ постелью больного ставилась кушетка — (удлиненное кресло), на которую ложился король-посѣтитель. При дворный этикѣтъ гласилъ, что подданному ни въ какомъ случаѣ не дозволяется занимать лежачее положеніе въ присутствіи стоящаго короля. И потому, въ видахъ соблюденія этикета, ставилась вторая постель или кушетка, при посѣщеніи королемъ больныхъ, лежащихъ въ постели. Когда Людовикъ XIII навѣщалъ больного кардинала Ришелье, то эта церемонія строго наблюдалась. Тоже самое дѣжалось и при Людовикѣ XIV, когда онъ навѣщалъ раненаго маршала Виллара. Съ того времени, во всѣхъ дворянскихъ домахъ Франціи держалась такая кушетка, названная chaise longue, на случай визита короля.“

Чеканка французской золотой монеты, давно уже прекратившаяся, возобновляется теперь на парижскомъ монетномъ дворѣ; весь выпускъ будетъ состоять исключительно изъ стофранковой монеты, съ изображеніемъ республики. Слѣдуетъ прибавить, что заказъ произведенъ не правительствомъ, а нѣсколькими крупными банкирскими домами Парижа, имѣющими въ виду удовлетворить все болѣе и болѣе возрастающей, со стороны публики, запросъ на эту монету.

Обращеніе китайцевъ съ животными. Въ послѣднемъ общемъ собраниіи общества покровительства животныхъ въ Вѣнѣ, вице-предсѣдателемъ общества Вильфортомъ была указана возможность уменьшенія употребленія бича. Китайцы сознали гораздо ранѣе насъ безполезность бича. Въ одномъ англійскомъ журнальѣ, выходящемъ въ Нью-Йоркѣ, пишутъ слѣдующее: Китайцы никогда не бьютъ своихъ животныхъ. И мулъ, который въ рукахъ иностранца совершенно негоденъ, или даже опасенъ, въ рукахъ китайца ста-

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1883 г.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедши въ 1883 г. №№ „НИВЫ“ со всѣми приложеніями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ ОЗНАЧЕНА НА 1-Й СТРАНИЦѢ.

новится послушнымъ и слѣдуетъ за нимъ какъ собака. Мы никогда не видѣли, чтобы муль или пони, находящіеся у китайца, когда либо пугались или сердились; животныя эти какъ на хорошихъ, такъ и на плохихъ дорогахъ, сохраняютъ одинаково бодрый видъ, идутъ однимъ и тѣмъ-же скорымъ шагомъ, поварачиваются направо или налево вслѣдъ за произнесенными словами Tug—г или Gluck—к, и останавливаются по знаку, данному вожжей. Со всѣми животными вообще, услугами которыхъ пользуются китайцы, они обращаются очень хорошо. Замѣчательна ихъ способность вести стадо овецъ по узкимъ многолюднымъ улицамъ. При этомъ они не употребляютъ ни палокъ, ни собакъ, но мальчикъ ведетъ впереди одно изъ болѣе смиренныхъ животныхъ, за которымъ остальные слѣдуютъ послушно.

Гигантскій фонтанъ. Замѣчательное явленіе, однако основанное на самыхъ простыхъ и извѣстныхъ законахъ природы, существуетъ на берегу Мексики. Это Буффадеро. Подъ этимъ имѣемъ извѣстна уединенная скала около 70 метровъ ширины и 40 метровъ вышины. Во время отлива у подножія скалы видѣнъ замѣчательный гротъ въ видѣ опрокинутой воронки, тонкой верхушкой своею соединяющейся со скалами трещиной въ видѣ трубы или рукава. Во время прилива морскія волны съ силой стремятся въ гротъ и наполняютъ его. Когда гротъ наполнится, вода начинаетъ подниматься вверхъ по естественной трубѣ. Но такъ какъ уровень моря во время прилива выше уровня воды въ гротѣ, то масса воды съ силой вгоняется въ гротъ и стремится вверхъ; при каждомъ напорѣ волны, изъ трубы поднимается громадный водяной столбъ, достигающій 40 метровъ вышины, который, принявъ форму синопа, падаетъ обратно дождемъ. Это естественный гигантскій фонтанъ, производящій необыкновенное впечатлѣніе.

Франческа Петрарка, дочь извѣстнаго поэта, умерла въ 1384 г. Останки ея недавно открыты въ Тревизо, во время большихъ починокъ, предпринятыхъ въ церкви Св. Франческо. Замѣчательна надпись на ея гробницѣ, составленная вѣроятно ея отцомъ стихами, по латыни: „Ни одна женщина не была болѣе вѣрной женой, болѣе послушной дочерью, какъ она, ни одна не превосходила ее въ добродѣти. Франческа было мое имя, честность—моей славой, сердечная простота—моимъ приданиемъ.“

Приготовленіе искусственныхъ зубовъ, составляетъ значительную отрасль производства въ Соединенныхъ Штатахъ. Тамъ существуетъ 12 фабрикъ, приготовляющихъ ежегодно до 10 мил. искусственныхъ зубовъ, такъ что на каждые 5 человѣкъ населенія страны, приходится по одному искусственному зубу. Для изготовления такихъ зубовъ употребляютъ полевой шпатъ, фарфоръ и горный хрусталь. Окраска ихъ производится помощью платины и золота. Полевой шпатъ и кристалъ накаляются до красна и затѣмъ кладутся въ холодную воду, въ которой ихъ такъ сильно размѣшиваются, что они всплываютъ наверхъ. Смѣшанный съ красящими веществами, порошокъ этотъ въ мѣдныхъ формахъ подвергается сильному накаливанию. Этотъ процессъ очень труденъ. Прежде дантисты вытачивали зубы. Для пломбировки зубовъ ежегодно употребляется золота на 500,000 долларовъ. Для этой цѣли съ 1778 по 1833 г. употребляли олово. Пломбировка облегчена теперь значительно изобрѣтеніемъ разныхъ машинъ и инструментовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ приготовляются всевозможные зубоврачебные инструменты для всего образованнаго міра. Обыкновенно обзаведеніе необходимыми инструментами составляетъ дантисту расходъ 500 долларовъ.

Фабрикація стекла. Съ введеніемъ печей Лейфгена сдѣлалось возможнымъ изготавливать дешево стекло въ такихъ колосальныхъ массахъ, что его можно употреблять для цѣлей, для которыхъ оно было слишкомъ дорого, напр. для черепицѣ, украшеній стѣнъ, пластины, большихъ сосудовъ и проч. Упомянутыя печи устроены такъ, что онѣ безостановочно могутъ плавить стекло. Сырой матерьялъ бросается въ плавильный резервуаръ, черезъ 5 отверстій, такъ что количество въ 400 центнеровъ набрасывается не болѣе 15—20 минутъ. Въ 6—8 часовъ плавленіе окончено; такимъ образомъ ежедневно можно получать два резервуара плавленаго стекла, каждый въ 400—500 центнеровъ. Переплавленное сырое стекло въ бассейнѣ съ водою, находящійся въ фабрики и послѣ какъ оно остынетъ, плавится въ рабочихъ печахъ и тогда обрашается какъ тонкій продуктъ (бутилки и пр.); часть же сырого стекла наливается въ формы, которыя подвигаются при помощи безпрерывной цѣли. Плавильная стекольная печь въ продолженіи сутокъ доставляетъ 1,000 центнеровъ плавленаго стекла (количества этого достаточно для изготавленія 50,000 бутылокъ), для чего требуется не болѣе 150—160 центнеровъ каменного угля.

Изготавленіе дѣтскихъ часовъ, развилось чрезвычайно въ Парижѣ. По сообщенію „Petit Journal“ тамъ есть фабрика, дѣлающая 3,000 штукъ въ часъ. Въ томъ-же журналѣ пишутъ слѣдующее: въ 1863 г. въ Парижѣ было только три фабриканта дѣтскихъ часовъ, имѣвшихъ около 50 человѣкъ рабочихъ. Въ настоящее-же время семь значительныхъ фабрикантовъ имѣютъ 1,000 человѣкъ постоянныхъ рабочихъ, и кромѣ того вчетверо большее число рабочихъ занимается само работою часовъ, которыя могутъ заводиться и стрѣлки которыхъ могутъ передвигаться. Развитіе этого дѣла обязано г. Гони, который въ 1865 г. ввелъ механическое приспособленіе и который теперь обладаетъ большой фабрикой. Невольно удивляешься при посѣщеніи такой фабрики, гдѣ безъ перерыва, въ теченіи цѣлаго года, за исключеніемъ воскресеній, дѣлается по 30,000 шт. въ день, т. е. 3,000 штукъ въ часъ. Это число состав-

ляетъ приблизительно третью часть всей парижской фабрикаціи, и подобные результаты могутъ быть достигнуты только дѣленіемъ работы. Самые простые часы, стоящіе при продажѣ оптомъ 2 сантима и въ продажѣ по мелочамъ 5 сантимовъ, проходить болѣе чѣмъ черезъ двадцать рукъ. Вообще-же Парижъ изготавливаетъ ежедневно болѣе 100,000 дѣтскихъ часовъ, изъ которыхъ десятая часть расходится во Франціи; вывозная торговля часами производится болѣе чѣмъ на миллионъ франковъ.

Изъ жизни недавно умершаго публициста Луи Бланы, французскіе журналы разсказываютъ слѣдующій случай: Луи Бланъ пріѣхалъ въ Парижъ безъ всякихъ средствъ и безъ друзей; нужда привела его къ мысли сдѣлаться журналистомъ. Онъ написалъ статью о тогдашнемъ политическомъ положеніи Франціи и посыпалъ съ нею въ редакцію большаго журнала. Придя къ дверямъ редакціи, имъ овладѣла робость и онъ не рѣшался позвонить. Вслѣдъ за Луи Бланомъ подошелъ рослый здоровый разнощикъ газетъ, который, замѣтилъ первѣтельность и душевную борьбу Луи Бланы, покачалъ головою. Наконецъ время ожиданія показалось ему долгимъ, онъ открылъ дверь и втолкнулъ въ нее писателя. Тотъ тутъ-же встрѣтилъ какого то господина, который взялъ рукою и вѣлѣлъ прийти на слѣдующій день за отвѣтомъ. На другой день Луи Блану предложили сразу мѣсто редактора съ содержаніемъ въ 8,000 франковъ. Всякій разъ потомъ какъ новый редакторъ встрѣчалъ вышеупомянутаго газетчика, онъ говорилъ: „Вотъ человѣкъ, который помогъ мнѣ пробить себѣ дорогу.“

Американское пророчество. Профессоръ Э. Стоне-Виггинсъ, „астрономъ канадского министерства финансовъ“, прислалъ президенту Артуру докладъ, въ которомъ онъ въ самыхъ точныхъ выраженияхъ предсказываетъ наступленіе страшной бури въ мартѣ 1883 г. По докладу профессора Виггинса бура эта начнется въ ночь на 9 марта, въ Мексиканскомъ заливе, и 11-го марта достигнетъ Атлантическихъ береговъ. Ни одинъ корабль, находящійся въ области этой бури, въ открытомъ морѣ, не будетъ въ безопасности, и ни одно мелкое судно не устоитъ противъ силы этой бури, которая будетъ величайшей въ этомъ вѣкѣ.

Почтовое сообщеніе въсего міра. Въ 25 значительнѣйшихъ государствахъ, состоящихъ въ почтовомъ сообщеніи, въ 1879 г. было переслано круглымъ числомъ 8,280 миллионовъ пакетовъ, изъ нихъ 4,900 миллионовъ писемъ, или ежедневно 13 миллионовъ, остальное были печатные листы, образчики товаровъ, документы и газеты. Изъ Европы было болѣе всего корреспонденціи, а именно 5,614 миллионовъ; затѣмъ слѣдуютъ: Америка—2,366 миллионовъ, Азія—205 мил., Австралия—73 мил. и наконецъ Африка 12 миллионовъ пакетовъ. Среднимъ числомъ на одного человѣка (считая населеніе земного шара въ 1,400 миллионовъ) приходится по 5, 9 пакетовъ, изъ нихъ 3, 5 писемъ и 2, 4 печатныхъ листовъ.

Чулки древнихъ египтянъ. Египтяне новаго времени, копты, а также арабы ходятъ босые. Напротивъ того, древніе египтяне, которыхъ можно видѣть теперь только въ засушенномъ состояніи въ музеяхъ, умѣли хорошо вязать чулки, какъ въ этомъ можно удостовѣриться въ Луврской коллекціи въ Парижѣ. Въ гробу одной муміи найдена пара вязанныхъ чулковъ, наглядно доказывающихъ, что во первыхъ, египтяне носили короткіе чулки на подобіе носковъ, и во вторыхъ, что искусство вязать чулки, у нихъ было доведено до значительного совершенства. Найденные чулки очень искусно связаны изъ тонкой овечьей шерсти, которая вѣроятно была бѣлого цвѣта, а теперь сдѣлалась темнокоричневой. Спицы, которыми вязали Египтяне, безъ сомнѣнія были толще нашихъ, чулки ихъ болѣе тянутся и ткань не такъ плотна. Чулокъ начинался обыкновенно одной ниткой, но кантікъ, который дѣлается для воспрепятствованія чулку заворачиваться во время работы, узкій съ узоромъ, свидѣтельствуетъ обѣ искусствѣ рукѣ. Разница между египетскимъ и нашимъ чулкомъ та, что въ то время, какъ нашъ имѣетъ круглую форму, въ египетскомъ есть рубецъ, куда вѣроятно вкладывался ремень отъ сандалій.

Рѣчь—серебро, молчаніе—золото. Индійский купецъ привезъ на рынокъ продавать слона. Только что онъ прибылъ, какъ замѣтилъ европейца, который ничего не говоря началъ ходить вокругъ слона и внимательно его рассматривать. Купецъ обращался къ нему съ разными вопросами, но не получалъ никакого отвѣта. Наконецъ нашелся покупщикъ слона; тогда купецъ приблизился къ европейцу и спросилъ ему на ухо: „не говорите ничего, пока я не продамъ слона, за то я вамъ сдѣлаю хороший подарокъ.“ Иностранецъ кивнулъ головой въ знакъ согласія и продолжалъ молчать. Когда торгъ былъ заключенъ и деньги получены, купецъ отдавая таинственному незнакомцу десять процентовъ изъ проданной суммы, спросилъ его: „Теперь говорите, мнѣ любопытно знать, какъ вы открыли недостатокъ въ лѣвой ногѣ слона, я думалъ, что я хорошо скрылъ его.“—Недостатокъ? отвѣтилъ молчаливый. Я ничего не открылъ, а только первый разъ въ жизни увидѣлъ слона, а потому такъ внимательно разглядывалъ его.

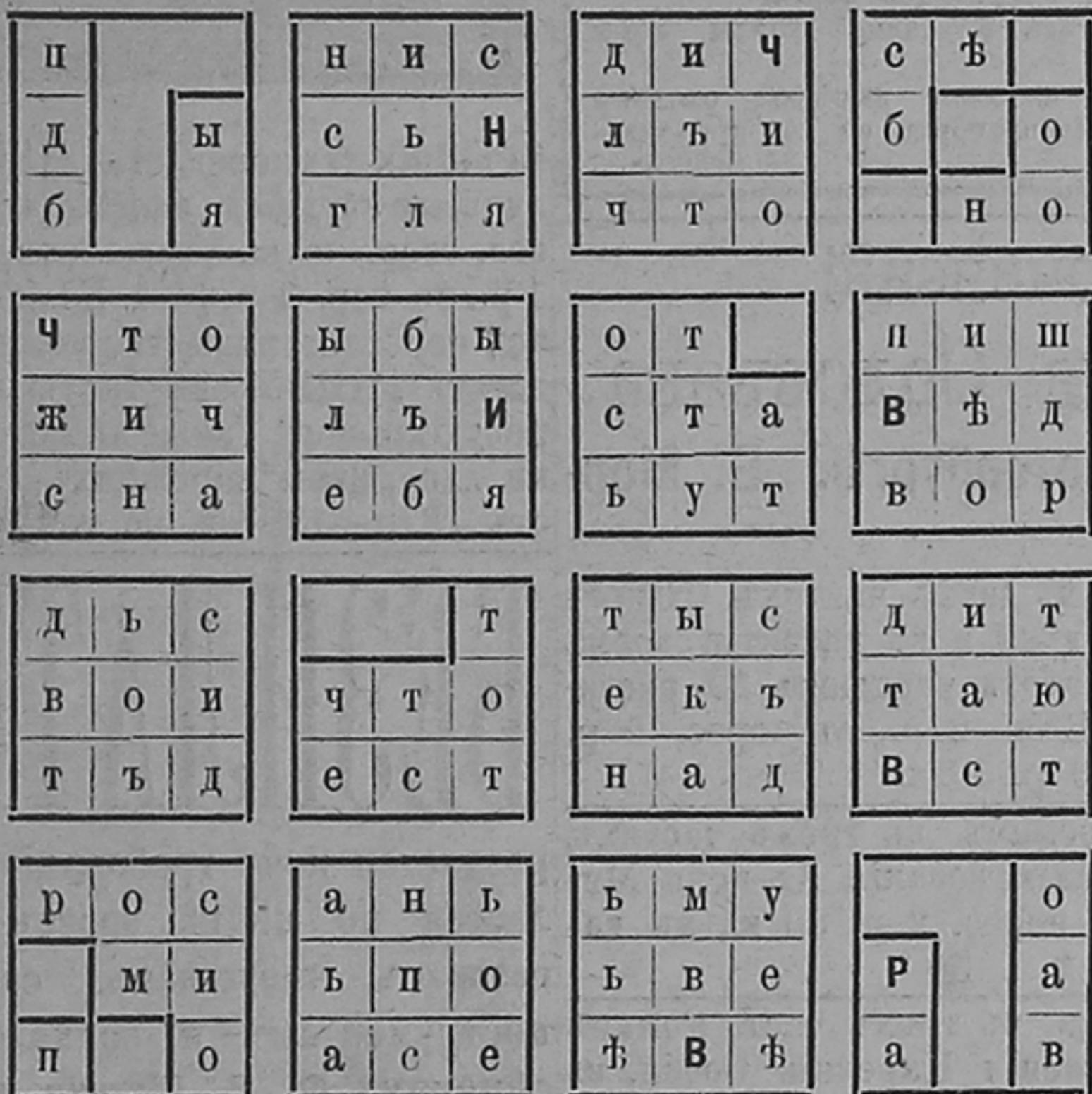
Самая доходная желѣзная дорога въ міре, безъ сомнѣнія, небольшая дорога, соединяющая двѣ гостиницы на Каней-Ісландѣ возлѣ Нью-Йорка. Длина ея 2000 футовъ, а ширина колеи 3 фута. Расходы по постройкѣ составили 27000 долларовъ, а ежедневное содержаніе,—во время купального сезона—обходится по 30 долларовъ. И хотя за проѣздъ взимается только по 5 центовъ, тѣмъ не менѣе дорога ежедневно приносить 450 дол. Счастливые акціонеры въ 1881 году получили пятьсотъ процентовъ дивиденда.

Рѣшеніе ребуса № 5.

Врядъ ли смѣкала читателей втеченіе осьми часовъ одолѣютъ эту загадку, понеже тутъ словцы съ завитушками.

Рѣшеніе задачи буквъ № 6.

1. Вольтеръ.	10. Вишня.	19. Пеня.
2. Лѣто.	11. Веста.	20. Рябъ.
3. Вистъ.	12. Чадо.	21. Магъ.
4. Синтепа.	13. Бусы.	22. Блюдо.
5. Мѣдь.	14. Чичиковъ.	23. Сѣдина.
6. Тать.	15. Титаны.	24. Свистъ.
7. Рожь.	16. Ось.	25. Чины.
8. Сто.	17. Чудо.	26. Тесъ.
9. Топъ.	18. Бѣсы.	27. Подвода.

Страхованіе жизни.

Подробная свѣдѣнія о всѣхъ родахъ страхованія жизни, приданого, пенсіи и т. п. можно узнать изъ брошюра (книжекъ) Страхового Общества „Россія“.

Эти брошюры по требованію выдаются и высылаются бесплатно Главною Конторою Общества „Россія“ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами въ городахъ Имперіи.

№ 2482

Королевская Вюртембергская Академія сельского хозяйства Hohenheim.

Лѣтній семестръ начинается съ понедѣлника 2-го апрѣля с. г. Объявленія, указатели лекцій и программы занятій разсылаются по требованіямъ безвозмездно.

Гогенгеймъ. Январь 1883 г. Дирекція Королевской Академіи.

Д. № 2481 2-1

За директора профессоръ Д-ръ Е. Вольфъ.

Издание А. Ф. Маркса.

Спб. Большая Морская, д. № 9.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ, историч. повѣсть
Вс. С. Соловьевъ. Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ 20 рисунками художника И. С. Панова, изъ которыхъ выше помѣщенный одинъ рисунокъ даетъ понятіе объ ихъ достоинствахъ. Цѣна 2 р., съ пересыпкой 2 р. 30 к., для подписч. „Нивы“ 1883 г. 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

„Всемірная Иллюстрація“

Большой иллюстрированный журналъ съ различными бесплатными приложеніями. Подписчики на 1883 г. получатъ между прочимъ въ особомъ приложеніи, бесплатно роскошно изданное иллюстрированное описание Священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, которое будетъ составлять особый альбомъ.

№ 1 до 5-го „Всемірной Иллюстраціи“ за 1883 г. уже вышли и разосланы подписчикамъ.

Подписка продолжается и новые подписчики получать еще съ № 1-го.

Главная Контора Редакціи въ СПБ.
Бол. Садовая ул., д. № 16. Р. 2478

Вышло изъ печати и продаётся въ конторѣ журнала „Нива“ въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, № 9, въ Москвѣ—въ отдѣлѣніи „Нивы“ у Н. Н. Печковской, въ домѣ Петровскихъ линій, и у всѣхъ извѣстныхъ книгородавцевъ:

**О ДѢТЯХЪ
НЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ.**
Шесть рассказовъ Н. МОРСКАГО (Лебедева).
Съ 118 рисунками и виньетками Н. Н. Каравина.

Заглавіе разсказовъ:

1) Дяденька.	3) Ночь.	5) Грѣхъ ли это?
2) Уличная пѣвица.	4) Обезьянка.	6) Кувшинчикъ.

Это роскошное изданіе, украшенное 118 рисунками и виньетками, рисованными извѣстнымъ художникомъ Н. Н. Каразинъ, составляетъ прекрасный подарокъ къ Рождеству. Всѣ эти разсказы представляютъ намъ прелестные дѣтскіе типы, но написаны не для дѣтей. Это настоящія житейскія драмы, гдѣ дѣйствующими лицами являются дѣти. Однако по содержанію эти разсказы такие, что книга представляетъ прекрасное чтеніе и юношамъ, и дѣвицамъ. Цѣна 2 р., съ перес. 2 руб. 50 к.—Въ каленк. перепл., съ золот. тисненіемъ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Ч	т	о	т	ы	с	п	и	ш	ь	м	у
ж	и	ч	е	к	ъ	в	ѣ	д	ь	в	е
с	н	а	н	а	д	в	о	р	ѣ	в	ѣ
д	ъ	с	и	ч	е	о	с	ѣ	д	и	т
в	о	и	р	и	л	о	с	ѣ	о	т	а
т	ъ	д	а	и	л	о	н	о	в	с	т
а	н	ь	п	т	у	н	о	с	н	и	с
ь	п	о	д	о	т	о	м	и	с	ь	н
а	с	е	б	т	и	т	а	о	г	л	я
д	и	Ч	и	ч	т	о	с	т	а	л	ъ
л	ъ	и	ч	т	о	с	т	а	л	ъ	и
ч	т	о	е	с	т	ъ	у	т	е	б	я

Что ты спиши, мужичекъ?
Вѣдь весна на дворѣ;
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты былъ? и что сталъ?
И что есть у тебя?

Рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. Спб.—Клавдію А., Опатовичу, Абрамова, Рушень, Родныхъ, Михомирова, Петровой; Москва—Ладыженской, Козьмодемянскъ—Корепова; Коломна—Шевцогина, Малинина; Минскъ—Гинзбургъ; Пенза—Воронова; Полтава—Фидлеръ; Погаръ—Вербицкаго; Тула—Полева.

СОДЕРЖАНИЕ: Принцъ Карлъ Пруссій (съ портр.)—Подъ колесомъ. Повѣсть Н. Д. Ахшарумова. (Продолженіе).—Другъ Камилла. Разсказъ Альбини. (Продолженіе).—Осенняя буря (съ рис.).—Морозко. Дочь и падчерица (съ рис.).—Пѣсня слѣта (съ рис.).—Граница Европы и Азіи. Памятникъ около Екатеринбурга (съ рис.).—Фридрихъ Флотовъ (съ портр.).—Вновь открытая рыба—Еврифаринксъ (съ рис.).—Принцъ Жеромъ Наполеонъ (съ портр.).—Типы сѣверныхъ построекъ (съ рис.).—Политич. обозрѣніе.—Смѣсь.—О подпискѣ на „Ниву“.—Рѣшеніе ребуса.—Рѣшеніе задачи буквъ.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Волицкаго. Невскій, 98, противъ Николаевской. Ежедневно приемъ специалистами по всѣмъ болѣзнямъ. Кровати для женщинъ. Ночное дежурство. Телефонъ № 2412.

! ВАЖНОЕ ВСЯКОМУ РУССКОМУ ПРОИЗВОДИТЕЛЮ !
Получая постоянныя требования отъ монхъ заграничныхъ отдѣлений, покупаю и принимаю на комиссію на самыхъ выгодныхъ условіяхъ **РУССКОЕ СЫРЬЕ ПАРТИЯМИ**.
Именно: масло свѣжее и соленое, сало свиное, воловое и баранье, свѣжее и тепленое, щетину, мѣдь, конскія гривы и хвости, бараны кишки, клей и жиръ рыбий, перья, пухъ и т. д. При предложеніяхъ слѣдуетъ препровождать образцы. Адресовать: Торговый Домъ Генриха Барыцаго. Варшава. № 2350 12—11

М. № 2480

**ОПТИКЪ И МЕХАНИКЪ
И. Я. УРЛАУБЪ.**

№ 44. Невскій проспектъ. № 44.

С.-Петербургъ.

Иллюстрированные прейс-куранты по востребованію бесплатно.

ПРОДАЕТСЯ ЗЕМЛЯ

всакихъ угодій Костромск. губ. Галичскаго уѣзда, около 2500 дес. Условія у Г. Травиніа, въ г. Коломеніи, Костром. губ. № 2484 1—1

1-го февраля вышелъ № 2 дѣтскаго журнала

**„Родникъ“
(2-й годъ изданія).**

Содержаніе: I. Сказка о муравѣ-богатыре В. Авенариуса (съ 5 рис. Н. Н. Каразина).—II. Памятія Жуковскаго, Е. Гаршина, П. Елка. Стих. Д. Мережковскаго.—IV. Большакъ. Повѣсть А. В. Круглова (съ карт. К. Голембовскаго).—V. Похожденія американ. мальчика.—VI. Смѣсь. VII. Загадки.

Цѣна въ году съ дост. и перес. 6 руб., безъ приложенія педагогическаго сборника 5 руб., на полгода 3 руб.

Адресъ редакціи: Петербургъ, Спасская ул., д. 1. № 2473 1—1

Продается земли 352 дес. съ садомъ и хорошой постройкой и какъ прекрасная дача въ Ворон. губ. Бобров. уѣзда. Желающихъ прошу адресоваться лично и письменно въ Усмань, къ Ив. Ив. Богомолову. № 2485

